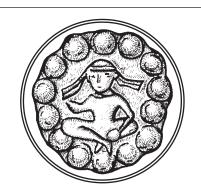
НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

ЦЕНТР ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВА НАН УКРАЇНИ І УКРАЇНСЬКОГО ТОВАРИСТВА ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ ЦЕНТР ОХОРОНИ ТА ДОСЛІДЖЕНЬ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ УПРАВЛІННЯ КУЛЬТУРИ ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛДЕРЖАДМІНІСТРАЦІЇ

2011 KUÏR

MAJISIPIII B Cepeziiomy Iloziiipob'i

А.В. Комар (Киев)

ДРЕВНИЕ МАДЬЯРЫ ЭТЕЛЬКЕЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема археологической культуры древних мадьяр IX в. времени их пребывания в Северном Причерноморье.

Ключевые слова: древние мадьяры, хазары, Леведия, Этелькез, Субботцевский тип, салтовская культурно-историческая общность, караякуповская культура.

Проблеме происхождения и миграции древних венгров (мадьяр) из Приуралья в Карпатскую котловину посвящена весьма обширная венгерская литература (подробные историографические обзоры см.: Toth 2005; Zimonyi 2005; Kovacs, 2005; Lango 2005; Szij 2005; Дьени 2007). Отечественные исследования представлены в гораздо меньшем числе, а наиболее молодой областью изучения в них закономерно является археология (см. обзоры: Шушарин 1997; Иванов 1999).

Количество археологических памятников Восточной Европы, отождествляемых с мадьярами эпохи переселения, пока крайне невелико, а оценка их значения кардинально различается в работах венгерских и отечественных исследователей. На фоне выраженного скепсиса венгерских ученых (Balint 1989, s. 138; Зимони 2000, с. 11-12; Kovacs 2005, р. 351-354) археологи постсоветского пространства наоборот выражают уверенность в

ведущей роли археологии для решения проблемы даты, исходного региона и путей миграции мадьяр на запад (Иванов 1999; Казаков 2001; Приходнюк 2001 и др.). Причины этого парадокса лежат частично в методологических принципах, а частично — обусловлены ожиданиями самих исследовалей, изначально исходящих из разных концептуальных моделей переселения мадьяр, важную роль в которых традиционно отводится известным по письменным источникам местам временного проживания мадьяр — «Леведии», «Этелькезу» и Magna Hungaria.

Доминирующая в археологической литературе тенденция атрибутировать определенные памятники Восточной Европы как «древневенгерские» или «мадьярские» закономерно выносит на первый план проблему исторического характера: чего именно следует ожидать археологу от материальной культуры мадьяр эпохи переселения?

Письменные свидетельства

Источники. Современные исторические модели происхождения и миграции мадьяр базируются на нескольких лаконичных блоках письменных источников, вызвавших в процессе изучения невероятное количество разнообразных гипотез

(обзоры основных проблем и мнений см.: *Kristo 1996*; *Toth 2005*).

Наиболее подробным и единственным сохранившимся в оригинале источником являются главы 38-40 произведения «Об управлении империей», составленного в 948-952 гг. византийским императором Константином Багрянородным на основании многочисленных информационных записок дипломатического корпуса (Константин Багрянородный 1991, с. 158-167). Вторым источником выступает сочинение арабского ученого ал-Джайхани первой пол. Х в., к сожалению, сохранившееся лишь в передаче более поздних арабских географов (подробный критический анализ и публикацию текстов см.: Zimonyi 2006). И третий источник — это собственно венгерская историческая традиция, к сожалению, записанная довольно поздно, ок. 1210 г., секретарем короля Белы III, известным в отечественной исторической литературе как «Венгерский Аноним».

Византийские данные о происхождении мадьяр (называемых греками «Турками»), судя по использованию Константином славянской лексики («воевода», «закон»), несомненно получены от славяноязычного информатора или посредника, но восходят к мадьярской устной традиции. Согласно Константину, «старое место поселения / местоположение» мадьяр находилось «вблизи / по соседству с Хазарией» (Константин Багрянородный 1991, с. 158). Эта «местность называлась Леведией по имени их первого воеводы». В это время мадьяры состояли из семи племен и именовалось «белыми саварта-

ми» (Σάβαρτοι άσφαλοι). В течении трех лет мадьяры «жили вместе с хазарами», будучи их союзниками и воюя в их войнах, после чего каган хазар дал в жены воеводе Леведии хазарку «благородного происхождения», от которой, впрочем, у него не родилось детей.

Спустя некоторое время после этого случилась битва печенегов с мадьярами, закончившаяся поражением последних. Константин вставляет в повествование уточнение, что событию предшествовало неудачное нападение печенегов на хазар, после чего печенеги «были вынуждены покинуть свою землю и населить землю Турков». Эта редакторская вставка - несомненная ошибка Константина, поскольку описанные им события относились уже ко времени Арпада, тогда как повествование его источника шло о мадьярах времени Леведии (точнее, Леведи, венг. *Lëvedi* – этот нюанс позволяет различать название страны и собственное имя воеводы), т.е. о «белых савартах» и «кангарах». Обратим внимание, Константин дважды подряд специально подчеркивает, что печенеги тогда назывались «кангар», выдавая «склейку» двух фрагментов. Оригинальный источник сообщает, что после поражения от кангар саварты раскололись на две части: одна поселилась на востоке в Персии, где они все еще называются «белыми савартами», а вторая, во главе с Леведией, переселилась на запад в «места, называемые Ателкузу», которое именуется по названиям рек «Этель и Кузу» (Константин Багрянородный 1991, с. 158-165).

¹ К. Цукерман, вслед за Л. Варади, акцентирует внимание на совершенном виде глагола εσχεν, переводимого ими как «овладел» (*Цукерман 1998, с. 669*). Перевод то παλαιον την κατοίκησιν εσχεν как «овладел старым местом жительства» выглядит контекстуально странным, а у εχω словарями не отмечено значения «захватывать», «овладевать насильственно», напротив, глагол имел оттенок «получать» (*Liddle, Scott 1996, р. 749*); также можно отметить и редкое значение «приходить, достигать» (*Lampe 1961, р. 589*). Но в вариантах «получил прежнее место жительства», «достиг прежнего места жительства» возникают контекстуальные проблемы, поскольку вместо ясного указания на исходный регион миграции мадьяр, Константин сразу же начинает повествование с некоего факта переселения. На наш взгляд, оснований пересматривать традиционное понимание предложения пока недостаточно. Форма аориста является одной из наиболее распространенных для глаголов в исторических сочинениях, позволяя авторам говорить о прошедших, ограниченных во времени событиях, без указания точного срока. В нашем случае контекст указывает на обладание прежним местом проживания, позволяя предположить, что употребление Константином аориста вместо имперфекта всего лишь имело целью подчеркнуть *ограниченность во времени* эпизода соседства мадьяр с Хазарией, с чем полностью согласуется дальнейшее повествование.

Этимология названия «Ателкузу» как «междуречье» (Константин Багрянородный 1991, с. 393) повторяется как безальтернативная практически во всех русскоязычных работах. Реалии гораздо сложнее (см.: Kristo 1996, р. 155-157). Реконструируемое название «Этелькез» (Etelköz) включает тюрк. компонент Ätil/ Etel («большая река» - Сравнительноисторическая грамматика тюркских языков 2001, с. 90, 798), служивший в рассматриваемое время для целого ряда народов названием Волги, и венг. суффикс -köz, используемый для формирования названий приток, бассейнов рек, пространства между рекой и её притоками (Zimonyi 2006, s. 203-204). Информатор достаточно ясно указал, что первый компонент является названием реки «Этель», но в сумме слово означало пространство между двумя реками, откуда византийцы и произвели название второй реки - «Кузу». Гипотеза же о том, что древние мадьяры сознательно использовали тюркское слово «Этел» для обозначения любой «большой реки», а не конкретного гидронима, как увидим ниже, не согласуется с данными средневековых венгерских хроник.

Гипотеза о тождественности «Леведии» и «Ателькузу» также непосредственно текстом Константина Багрянородного не аргументируется - автор прямо разделяет их как два хронологически последовательные регионы проживания мадьяр. Локализация этих территорий, пожалуй, одна из ключевых проблем ранней истории мадьяр. Мнения о расположении Леведии можно сгруппировать по принципу подходов к решению задачи. «Контекстуальная» локализация опирается на соседство Леведии с хазарами и печенегами, проживавшими в это время за Волгой. «Речная» локализация исходит из выделения источником как главного ориентира реки «Хидмас» или «Хингулос», отождествляемой с р. Ингул. «Топонимическая» локализация ищет топонимы с корнем «левед/лебед», традиционно много находя подобных «свидетельств» в восточнославянском ареале. «Синтезная» локализация совмещает данные Константина с представлениями о пути мадьяр из

Венгерского Анонима, размещая Леведию на этом пути в широкой зоне от Волги до Днепра, но чаще всего, в Подонье. Наконец, различные «спекулятивные» локализации опираются на авторские представления о маршруте и обстоятельствах переселения мадьяр.

Наиболее распространенная в современной научной литературе «речная» локализация Леведии, причиной чему в основном является достаточно правдоподобная идентификация реки «Хингулос» как Ингула. Правда, позиция «Хингулос» после «Хидмас» как разъяснения, по всем законам анализа средневекового текста, может рассматриваться как вставка, принадлежавшая уже византийскому автору, а не его источнику.

Это разъяснение древнего редактора, к тому же, вызывает целый ряд вопросов. Почему в случае расположения Леведии в Северном Причерноморье выделена именно малоприметная р. Ингул, а не более крупные реки: Днепр, Дон, Днестр, Южный Буг? Если же центр Леведии располагался так узко в бассейне р. Ингул, как Леведия граничила с Хазарией и, тем более, с печенегами-кангарами? Как мог произойти конфликт мадьяр с печенегами в Поингулье? Где тогда располагался Этелькез, куда мадьяры переселились после Леведии, и как хазары поддерживали отношения с ними, если почти вся степная часть Северного Причерноморья уже тогда должна была подвергаться набегам печенегов? Если мадьяры в Леведии воевали вместе с хазарами в Северном Причерноморье в течение трех лет, то против кого были направлены эти войны, не зафиксированные другими источниками: Византии, Болгарии, славян, русов? Наконец, как увидим ниже, собственно венгерская историческая традиция и арабская географическая о мадьярах начинают свое повествование с эпизода проживания мадьяр за Волгой – неужели о такой важной детали не было бы упомянуто информаторами Константина Багрянородного?

Для локализации Этелькеза обычно используется другой сюжет Константина. Источник сообщает, что хазары вошли в союзные отношения с узами (огузами) в борьбе с печенегами, и после нанесенного

союзниками поражения печенеги были вынуждены переселиться в страну мадьяр, разбив последних. Константином перечисляются главные реки этой территории – Варух (Днепр), Куву (Южный Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут) и Серет, причем детальное описание расселения и маршрутов кочевания печенегов Константином (Константин Багрянородный 1991, с. 156-157, 162-163) не дает никаких оснований исключать из перечня мадьярских земель Днепровское Левобережье. Если описанные земли и составляют Этелькез, то речь идет о Северном Причерноморье в широком смысле – от Левобережного Поднепровья до Серета. Леведия несомненно располагалась восточнее, и на этом фоне специальное выделение р. Ингул как «главной» реки для локализации региона Леведии выглядит совершенно неестественным.

Ключом для локализации Леведии остается загадочная река «Хидмас», которую логичнее всего рассматривать, все же, как главную реку данного региона. Обратим внимание на разночтения списков Константина, где вместо Χιδμάς находим формы Χιλμάς и Χουμάς. Особенно интересна последняя форма Χουμάς, напоминающая название р. Кама (Идиль, Идель арабских источников). «Озвученные» версии гидронима («Кидма», «Кума») позволяют вернуться к «контекстуальной» локализации Леведии за Волгой.

Сюжет о бездетности воеводы Леведи - несомненный элемент легитимизации династии Арпадов. Согласно Константину Багрянородному, во время проживания в Этелькезе хазарский каган вызвал воеводу Леведи к себе для наделения его полномочиями единоличного правителя мадьяр, но тот отказался в пользу Алмуца (Алмуша) и его сына Арпада, избранного на совете правителем. Речь Леведи перед каганом, отказавшегося принять подобную власть из-за «неспособности повиноваться» рассматривается историками как начало «хазаро-мадьярских трений». Об обострении же отношений свидетельствует глава 39, рассказывающая о восстании хазар против центральной власти. Побеждённые повстанцы бежали к мадьярам и присоединились к ним, начав называться

«каварами» и превратившись в восьмой род мадьярского союза. Центральная администрации хазар получила возможность для реванша несколько позже. Разбив в союзе с огузами печенегов, хазары заставили их переселиться в страну мадьяр, вытеснив последних оттуда.

Арабский блок известий о мадьярах из сочинения ал-Джайхани принято относить к 70-80-м гг. IX в., поскольку он отражает проживание мадьяр в Северном Причерноморье. Но эта информация должна восприниматься очень осторожно, учитывая, что и сам ал-Джайхани, и следующие поколения географов уже были информированы и о расположении современной им Венгрии.

Ибн-Русте, Гардизи и ал-Бакри упоминают, что «между землей Печенегов и землей Булгар, называемых "аскел" (`.s.k.l) лежит первая граница мадьяр» (Zimonyi 2006, s. 35, 37, 41, 57, 265). Арабская информация солидарна с византийской, как минимум, в вопросе первоначального соседства мадьяр с печенегами. Второй деталью может выступить отождествление реки «Хидмас/Хумас» с Камой, что приближает и второй ориентир к местам проживания булгарского племени аскел/ эскел.

«Вторую границу» мадьяр арабские географы располагают над «морем Рума». «В это море впадают две реки», между которыми находятся места жительства мадьяр. Названий рек, правда, нет в источниках Х в. Они появляются впервые у Гардизи – «At.l и Duba», реконструируемые как «Атиль» и «Дуна» (Zimonyi 2006, s. 37, 191-210, 265). И. Зимони относит данное известие к своду ал-Джайхани, но это положение, к сожалению, трудно доказуемое, учитывая, что подобная информация повторяется только у автора XII в. ал-Марвази и его последователей. Несомненно добавлен у Гардизи сюжет о христианском народе *N.nd.r*, соседящем с Византией и мадьярами, в котором нетрудно узнать дунайских болгар-унногундуров. Более уверенный географический ориентир для мадьяр IX в. дает описание ибн-Русте: «Они владеют всей страной в ближайшей округе проживания Saqäliba (славян). Они обязывают их платить налоги продуктами и продают как рабов», уточняя дальше, что торговля рабами происходит с византийцами в городе К.г.h (Zimonyi 2006, s. 35, 266). Последний чаще всего идентифицирут с Керчью (хотя в X в. город упоминается как $S.m.k.r\check{s}$), но существует и не менее веское мнение, что *К.г.h* могли называть Херсон, особенно учитывая то обстоятельство, что он описывается как принадлежащий Византии (Zimonyi 2006, s. 240-241). Ещё одна возможность интерпретации K.r.h – это арабское karh - «окруженный стенами город» (Polgar 2004, p. 17-18). Следующая деталь из отношений мадьяр с соседями - это содержащееся у ибн-Русте сообщение: «Говорят, что раньше Хазары окружали себя рвами, чтобы защищаться от Мадьяр и других соседних народов» (Zimonyi 2006, s. 35).

Информация ал-Джайхани пересекается с изложением Константина Багрянородного в нескольких моментах: 1) два региона проживания мадьяр до их переселения в Карпатскую котловину; 2) первоначальное место жительства располагалось за Волгой, по соседству с печенегами; 3) второе место жительства мадьяр располагалось над Черным морем, между двумя реками, одна из которых упоминается как «Атиль/Атель»; 4) мадьяры зачисляются к «Тюркам».

Поздняя венгерская историческая традиция, несмотря на специфический латиноязычной средневековой литературы, содержит выразительный оригинальный сюжет, восходящий к устным преданиям венгров. Согласно Gesta Hungarorum секретаря короля Белы, родиной мадьяр была земля «Дентумогер» (Dentumoger) или Скифия (локализированная над Черным морем), а их первым вождем был избран Алмо или Алмус (Almo, Almus), сын Угека (Ugek) (Rerum Hungaricarum 1849, р. 3, 5, 6). В 884 г. «семь царственных персон, называемых Хетумогер (Hetumoger) вышли из земли скифской в сторону запада», в числе которых был и Алмус с сыном Арпадом. «Пройдя в течении многих дней через пустынные места, и переправившись через реку Этиль (Etyl), по обычаю языческому сидя на tulbou (от тюрк. - «кожаный мешок,

подушка, бурдюк»)», далее они прошли незаселенные земли без городов, «пока не пришли в Русь, называемой Суздаль (Susudal)». Согласно Анониму, на Руси мадьяры переправились через Днепр и подошли к Киеву. Киевский князь (dux de *Kyev*) со своей знатью обратились к семи «вождям куманов (Cumanorum), своим вернейшим союзникам». Половцы пришли на помощь русам, но в битве союзники потерпели поражение и были подчинены Алмусу, обязавшись выплачивать дань и участвовать в войнах на стороне мадьяр. После заключения мирного договора с киевским князем и половцами, Алмус повел мадьяр далее в Галицию (Galicia) и Лодомерию (Lodomeria), чтобы занять древнюю землю Аттилы Паннонию (Rerum Hungaricarum 1849, p. 8-14).

Аноним не знает имени Леведи, но его существование вряд ли должно было быть отраженным в хронике придворного секретаря Арпадов, создающего летопись действующей династии королей. Замена этнонима «печенеги» на «команы» объясняется территориальными ассоциациями автора конца XII - нач. XIII в., для которого Северное Причерноморье давно уже было землей половцев, хотя и само название «печенеги» ему было знакомо (Picenatis) (Rerum Hungaricarum 1849, р. 25). Противостояние в финальной битве «семи царственных персон» мадьяр семи «вождям Команов», перечисленных в тексте поименно, несомненно указывает на существование особого эпического сказания об исходе мадьяр из Северного Причерноморья, использование которого как источника, разумеется, потребовало от автора XIII в. элементов реконструкции событий.

В глазах Анонима, мадьяры противостояли сильнейшему государственному образованию Восточной Европы («Руси») и их союзникам («команам»), тогда как в реальной истории на их месте должны фигурировать уже сошедшие с исторической арены Хазарский каганат и печенеги. Впрочем, параллельное свидетельство о появлении мадьяр под Киевом содержит и «Повесть времянных лет» (ПСРЛ 2001, т. 1, ст. 25, 26; ПСРЛ, 2001, т. 2, ст. 17, 18), но оно, к сожалению, с большой до-

лей вероятности может принадлежать к серии т. н. «топографических легенд», учитывая существование в Киеве урочища «Угорское» и «Угорских ворот» (ПСРЛ 2001, т. 2, ст. 428).

На последний топоним обратил внимание В.К. Козюба, считая его параллельным Карпатским «Угорским воротам» в лексическом значении «проход между горами» (*Козюба 2005*). Обращенные к югу «Угорские ворота», в любом случае, указывают на топоним ещё конца IX в., когда путь из Киева на юг действительно вел по направлению к Уграм, как справедливо отмечено летописью, в то время, подобно половцам, имевшим кочевой образ жизни. Известия Анонима о войне мадьяр с Русью также можно сравнить с данными ал-Джайхани о нападениях мадьяр на славянские племена и обложении их данью - эти события вполне могли остаться в памяти венгров и передаваться в устной традиции. А вот пассажи об отношениях Алмуса с князьями Галиции и Лодомерии (Галицким и Владимир-Волынским) традиционно рассматриваются как явный «политический заказ» в условиях острой конкуренции Венгрии и Польши за земли Галицко-Волынского княжества в 1-й пол. XIII в.

Использовавший данные Анонима, Шимон из Кезы, составивший свою хронику ок. 1283 г., серьезно переработал предысторию мадьяр в русле книжной «гуннской традиции» (Simonis de Keza 1999)². Он, в частности, внес некоторые уточнения в генеалогию Арпадов, отметив, что Алмо был сыном Элада (*Elad*), сына Угера (Uger) из рода Турул (Turul), возводимого κ Аттиле (Ethele). Прародиной гуннов и, соответственно, мадьяр, Шимон называет Скифию, соседствующую с запада (sic!) с землей Бессов (традиционно отождествляются с печенегами) и Белых Команов (Bessos et Comanos albos), откуда до самой Суздали (Susdalie) располагались только дикие пустынные леса. В Скифии автор выделяет крупнейшие реки Этул (Etul) и Тогора (*Togora*), отмечая ниже, что «река Дон в Скифии рождающаяся, называется по-венгерски Этул (*Etul*)», а река Тогора течет в направлении Северного моря (*mare Aquilonis*). Сама Скифия, по Шимону, состояла из трех крупных областей: Барсации (*Barsacia*), Денции (*Dencia*) и Могории (*Mogoria*); в двух последних обычно видят «Дентумогер» Анонима, а *Barsacia* сравнивают с *Bascardia* — «Башкортия».

Начало миграции Шимон относит в 700 г., сообщая, что в пути мадьярам пришлось пересечь земли «Бессов и Белых Команов», пройти через Суздаль в Руси и земли «Черных Команов» (Nigrorum Comanorum), несмотря на «враждебность этих народов» (Simonis de Keza 1999, р. 18-34). Сюжет Анонима о победной войне мадьяр с Русью и команами, очевидно, ввиду неактуальности более «галицкого вопроса» в конце XIII в., Шимоном выпущен, либо же он действительно обладал паралельной версий легендарного источника Анонима, где о войне с Русью не упоминалось. Географические же уточнения о разделении команов на «черных и белых» относятся более к реалиям XIII в., в т. ч. к таким добавлением после путешествия монаха Юлиана в 1235-37 гг. относят и появление Barsacia или Bascardia (Kristo 1996, p. 94).

Венгерская историческая традиция XII–XIII вв. имеет довольно много общих моментов с рассмотренными выше данными византийских и арабских источников. Исходный регион миграции - «земля Дентумогер» - помещается за рекой Этиль (на некотором отдалении от неё). Информаторы византийцев называли в этом регионе также реку Хидмас/Хумас (Кама?), а венгерская традиция – реку Тогора, текущую в противоположном направлении к Этилю (в ближайшей округе такими свойствами обладает только р. Белая). Вероятно, в пользу такого понимания упомянутых гидронимов свидетельствует и упоминание венгерских хроник о Суздали как промежуточном пункте на

 $^{^2}$ «Гуннская» традиция породила обширную литературу XIX — первой пол. XX в., но наибольшую популярность в её русле приобрела гипотеза тождественности угров огурской группе племен.

пути мадьяр от Волги — этот город расположен приблизительно на одной широте с местами впадения р. Белой в Каму и самой Камы в Волгу.

Византийская, арабская и венгерская традиции называют в числе юговосточных соседей мадьяр кочевниковтолько печенегов, но византийская говорит о конфликте с печенегами как причину миграции, а также о соседстве мадьяр с Хазарией. Из числа других соседей мадьяр в земле Дентумогер арабские источники называют булгарское племя аскел, а в венгерском Barsacia можно увидеть либо искажение страны башкир (Bascardia), либо же землю племени волжских булгар барсилов - Барсилию (Barsalia). Подобные различия, впрочем, хорошо объясняются тем, что для византийцев главным ориентиром Поволжского региона все-таки выступала Хазария, тогда как арабские географы были хорошо знакомы и с Волжской Булгарией.

И византийская, и венгерская традиции солидарны в вопросе смены названия племенного союза мадьяр после миграции и их разделения на две части, хотя предпочтительнее здесь позиции Анонима, сообщающего о смене названия союза «Дентумогер» («семь мадьяр»), тем более, что состав мадьярского союза в Причерноморье именно из семи племен подтверждается данными византийцев.

В 1235-1237 гг. венгерский монах Юлиан предпринял два путешествия для поиска оставшихся в Приуралье мадьяр и, согласно отчету, даже преуспел в своих поисках, обнаружив их в Волжской Булгарии недалеко от р. Этиль (Юргевич 1863, с. 998-1002; Зимони 2000, с. 18-20)³.

Византийская и венгерская версии рассказывают об эпизоде избрания племенным советом единого вождя, которым должен был стать Алмуш, хотя Константин и передает довольно неожиданный сюжет о предпочтении советом сына отцу. Относительно пребывания в Этелькезе венгерские и арабские источники сообщают о набегах мадьяр на восточных славян и обложении их данью. Наконец, венгерские и византийские источники связывают уход мадьяр из Причерноморья с войной с кочевниками-печенегами.

Название «Этелькез» для места проживания мадьяр в Северном Причерноморье в свете трактовки Шимона Кезаи реки Этель как Дона и сообщения арабских источников о впадении этой реки в Черное море, в принципе, допустимо понимать как «земля за Доном». Но, все же, источники не дают основания для предполагаемого свободного перенесения мадьярами довольно архаичной тюркской лексемы ätil («большая река») с одного гидронима на другой. Корректнее видеть в исходном «Этелькез» всего лишь широкое понимание древними мадьярами «Заволжья» («земля за Волгой»), искусственно суженное информаторами до междуречья Дуная и Дона по реальным границам расселения мадьяр в сер. IX в.

Хронология событий. Хронология событий ранней истории мадьяр во многом дискуссионна. Наиболее поздний из рассмотренных источников — Шимон из Кезы — датирует выход мадьяр из «Скифии» 700 г., тогда как его предшественник Аноним полагал, что в 819 г. мадьяры все ещё находились под властью Угека в земле Дентумогер, а начало миграции относил к 884 г. Хронологические расчеты Анонима, очевидно, включали информацию о том, что рождение Алмуша случилось за 65 лет до переселения мадьяр в Панонию, а этот срок и есть годами жизни Алмуша, что, с поправкой на реальную дату пере-

³ Юлиан считал, что обнаружил т. н. *Magna Hungaria*. Этот термин очень часто используется в историографии для обозначения прародины мадьяр или земли Дентумогер, что является несомненной ошибкой. Сюжет о двух Венгриях, одна из которых расположена у озера Меотиды, появляется в западноевропейских хрониках с конца XII в. (Готфрид из Витербо, позже хроники Висента Белловацента и Бартоломея Английского) (Дьени 2007, с. 15). Но речь шла не о прародине, а о «параллельной Венгрии», где все ещё проживали их «сородичи». Именно в поисках *Magna Hungaria*, чтобы найти оставшихся язычниками венгров, и была снаряжена францисканская миссия, добравшаяся до Волги.

селения мадьяр в Карпатскую котловину, смещает полученную датировку к диапазону 824-831 гг.

«Ранняя» дата начала миграции мадьяр, не связанная с «гунно-оногурской» версией, в венгерской археологии обычно развивается в русле гипотезы о промежуточной остановке мадьяр на Северном Кавказе (см.: Rona-Tas 1999); в отечественной же историографии излюбленным фактом является известие «Повести времянных лет» о «белых уграх».

Сюжет об уграх – союзниках Ираклия (си бо Оугры почаша быти при Ираклии цри, иже находиша на Хоздров цра Перьскаго ($\Pi CP \Pi$, m. I, cm. 11)), был заимствован летописцем «ПВЛ» из славянского перевода «Временника» Георгия Амартола (*Истрин 1920, с. 434*), в греческом оригинале которого союзники именовались иначе - «Тюрками», как с IX в. византийские хронисты называли мадьяр (Baloch 2004). Переводчик Георгия Амартола несомненно следовал византийской традиции IX-XI вв. называть мадьяр «тюрками», не зная о существовании более древнего племени. Но составитель «ПВЛ» не остановился на простой констатации, упомянув о каком-то захвате именно этими «белыми уграми» (или «белыми тюрками») славянских земель, которое, заметим, автор помещает сразу после прихода булгар на Дунай (680 г.), во время, когда авары владели славянскими племенами, но ранее эпизода о полянской дани хазарам (ПСРЛ, т. I, ст. 11; m. II, cm. 9). Анализируя это сообщение, мы высказали предположение, что в устной славянской традиции могла сохраниться информация о зафиксированном археологически серьезном вторжении кочевников в славянскую лесостепь в последней трети VII в., совершенном «тюрками» (Комар 2006б, с. 409-411), как в источниках VII-VIII вв. преимущественно называли хазар (*Комар 2008*, с. 117-119; 2008 б, с. 288-289). Это объясняет с одной стороны, почему в «ПВЛ» нет информации о хазарском завоевании целого ряда восточнославянских племен (кроме явно поздней, не ранее конца Х в., легенды о полянской дани мечами), с другой стороны, становится ясным, почему летописец подчеркивал, что вторжение совершили именно «си бо Оугры», которые воевали с Ираклием против Хосроя, — ведь Феофан четко называет их Τούρκους έκ της έωας ούς Χάζαρεις όνμάζουσιν (Чичуров 1980, с. 34) — «Тюрками с востока, называющимися Хазарами».

Следует отметить, что последнее выражение Феофана породило предположение Й.Дарко, поддержанное многими венгерскими исследователями, что существовали и «тюрки с запада», проживавшие западнее хазар, которыми ко времени составления хроники, т. е. ок. 814 г. (Mango, Scott 1997, p. 1: VII), уже были мадьяры. Детальный анализ мнений и источников по этому вопросу сделан Л.Балохом, пришедшим к выводу, что в хронике Феофана этноним «Тюрк» используется только по отношению к реальным тюркам и хазарам (Baloch 2005, р. 187-193). Как ещё одну вариацию на ту же тему можно упомянуть гипотезу А. Рона-Таш, заключившего, что упоминание в пространной редакции «Армянской географии» (ок. 680 г.) одновременно хазар и тюрков (Hewsen 1992, p. 55), должно свидетельствовать в пользу тождественности последних мадьярам (Rona-Tas 1997, p. 215-219, 282), не обращая внимание на то, что предложение с упоминанием тюрков в Прикубанье и о бегстве Аспаруха от хазар принадлежит именно редакторской вставке.

Современные научные представления о времени появления мадьяр в Северном Причерноморье базируются на двух других источниках — т.н. «Продолжателе Георгия Амартола» и «Бертинских анналах».

Византийский источник IX в., включенный в биографию императора Василия I и произведение «Продолжателя Георгия Амартола», рассказывает о конфликте между Болгарией и Византией ок. 837 г. Плененные болгарами в Македонии жители были расселены на левом берегу Дуная, для эвакуации которых византийцы послали к дельте Дуная флот. Болгары позвали на помощь Унгров (Ооуурот), называемых далее по тексту «Уннами» и «Тюрками». Мадьяры предложили македонцам беспрепятственный проход в обмен на все их имущество. Последние

отказались, сразившись с «бесконечным множеством» врагов, и вышли победителями, обратив мадьяр в бегство (*Moravcsik* 1961, s. 74-75, 118-119).

Франкская хроника «Бертинские анналы» (Annales Bertiniani) сообщает о посольстве народа Рос (Rhos) 839 г. к императору Людовику, перенаправленного византийским императором Феофилом. «Поскольку дорога, через которую они прибыли в Константинополь, располагалась среди варварских и исключительной дикости свирепых народов, чтобы случайно не попасть в опасность, он [Феофил] не желал возвращения ею» (Annales Bertiniani 1883, р. 19, 20). Это известие часто трактуется как прямое указание, что мадьяры неожиданно преградили обратную дорогу русскому посольству во время пребывания последнего в Константинополе (см. напр.: Новосельцев 1990, с. 206; Цукерман 1998, с. 664-666), использован-Plusquamperfectum ных в предложении глаголов (venerant, habuerant) указывает на действительное состояние уже во время путешествия русов. В то же время, не лишено оснований другое предположение, что именно участие мадьяр в византийско-болгарском конфликте ок. 837 г. действительно могло вызвать реальные опасения византийского двора за судьбу посольства на обратном пути.

Последняя версия объясняет один важный момент. В модели появления мадьяр в Причерноморье во время византийско-болгарской войны 836-838 гг. вызывает закономерные сомнения сама возможность столь быстрого установления политических контактов болгар с новым неизвестным народом. Поэтому дата 836-837 гг. может быть использована лишь как индикатор несомненного присутствия мадьяр уже в Причерноморье, а время их выхода из страны Дентумогер вряд ли определяется точнее, чем «ок. 830 г.» (Kristo 1996, р. 86-87). Поразительно, но эта дата чрезвычайно близка к отмеченному устной венгерской традицией событию, случившемуся «за 65 лет до переселения» в Паннонию (895-896 гг.), т.е. в 830-831 гг. Аноним Белы, считавший процес переселения мадьяр одноактным, отнес эту дату к событиям жизни Алмуша, но не является ли она в реальности отражением даты исхода мадьяр из страны Дентумогер?

Константин Багрянородный сообщает, что до переселения в Этелькез мадьяры «жили вместе с Хазарами три года, сражаясь как союзники Хазар во всех их войнах» (Константин Багрянородный 1991, с. 158). Эта информация часто понимается буквально, вызывая желание признать её ошибочной и исправить указанную цифру лет в модели причерноморской локализации Леведии (см: Цукер*ман 1998, с. 666-667*). Но, строго говоря, в следующем предложении повествование говорит о женитьбе Леведи на знатной хазарке, и лишь ниже Константин переходит к сюжету о войнах мадьяр с печенегами и савартов с кангарами. Предложение о последней войне начинается с αναμεταξύ, которое в отношении времени данного события максимум можно трактовать как «между этим», т. е. между женитьбой Леведии и изгнанием мадьяр Арпада из Причерноморья, что, собственно, не дает нам ничего конкретного.

Попытки прояснить ситуацию, используя данные Анонима и Шимона Кезаи, также пока нельзя признать полностью убедительными, хотя соединение устных традиций, переданных Константином и поздними хронистами, действительно позволяет создать более насыщенную картину. Согласно венгерской традиции, за 65 лет до переселения, т. е. состоянием ок. 830 г. (824-831 гг.), мадьяры все ещё находились под властью Угека в земле Дентумогер. Но если Аноним считал его отцом Алмуша, Шимон Кезаи называет Угера (Угека) только дедом Алмуша, а его отцом – Элада. История возвышения Леведи⁴, таким образом, приходится на период зрелости Элада (о котором даже легендарных данных не сохранилось), полностью

⁴ В данном случае мы не касаемся вопроса времени и обстоятельств появления у мадьяр «двоевластия» в виде сосуществования должностей *kundu* и *gyula*, отмеченных ал-Джайхани и Кон-

подтверждая тезис об отсутствии в это время у мадьяр наследственной власти. Героические войны Леведи как союзника хазар, его женитьба на хазарке, поражение от кангар и переселение в Этелькез, таким образом, укладываются в довольно узкий и, следует признать, правдоподобный промежуток 824-835 гг.

Находясь в земле Дентумогер за Волгой, мадьяры могли быть полезными хазарам в войнах с разрозненными угорскими племенами, протобашкирами, но наиболее вероятно, что их помощь требовалась хазарам в войне с кангарами (печенегами). Если союзные войны складывались для мадьяр удачно, самостоятельная битва с кангарами (вероятно, в ходе целенаправленного набега кангар) закончилась поражением, и мадьяры были вынуждены искать новое место жительства, для которого хазары выбрали Северное Причерноморье.

К. Цукерман (Цукерман 1998) предполагает другую историческую модель, в которой мадьяры не были переселены хазарами, а сами захватили «территорию, которая более полутора веков принадлежала Хазарскому каганату», после чего враждебные отношения между ними сохранялись до 889 г., пока хазары при помощи печенегов не нанесли мадьярам решающее поражение и не заключили договор с Леведи, закончившийся избранием Арпада в 890 г. Исследователь исходит из локализации страны Леведии между Дунаем и Доном, при этом, анализируя сюжет переброски печенегов из Заволжья в Причерноморье, сам отмечает: «Две большие реки, Волга и Дон, а также сотни километров хазарской степи отделяли их от страны Леведии», констатируя невозможность разбитых хазарами и гузами печенегов проделать такой путь самостоятельно (Цукерман 1998, с. 671). Это замечание вполне применимо и к мадьярам, которых, заметим, ожидал на пути ещё и самый густо населенный регион Хазарского каганата – Подонье, хорошо укрепленный дерево-земляными крепостями задолго до постройки здесь кирпичного Саркела. Но следов триумфального прорыва мадьяр через всю Хазарию, означавшего бы в реальности серьезное военное поражение хазар и значительное опустошение поселений, мы не обнаружим ни в письменных источниках, ни в археологических материалах. Сами мадьяры, напротив, ок. 837 г. потерпели неудачу в столкновении не с регулярной византийской армией, а всего лишь с македонскими беженцами. Не помогает модели и «гражданская война в Хазарии», поскольку её датировка М.И. Артамоновым 20-30-ми гг. IX в. (Артамонов 2002, с. 346-347) была основана на датировке разгрома Правобережного Цимлянского городища, в свете работ С.А. Плетневой и В.С. Флерова (даже несмотря на противоречия между этими исследователями в части трактовки стратиграфии памятника), случившегося однозначно не ранее постройки Саркела (Плетнева 1995; Флеров 1995).

Совпадение по времени появления на исторической арене мадьяр, посольства хакана русов в Константинополь и хазарского посольства к византийцам, после которого в 838-839 гг. была построена крепость Саркел, закономерно вызвало гипотезу о взаимосвязи этих событий и даже о намеренной акции переселения мадьяр для борьбы с русами (Новосельцев 1990, с. 206-210). М.И. Артамонов полагал, что расположение Саркела не удобно для контроля водного пути через Дон (что не совсем верно), а функции крепости сводились лишь к контролю сухопутного пути и защите Хазарии от врага с запада, которым исследователь считал мадьяр (Артамонов 2002, с. 306-307, 346-347). Эта гипотеза оказала такое сильное влияние на историографию, что постройка Сарке-

стантином Багрянородным уже для мадьяр конца IX в. Традиционная версия о том, что «воевода» Леведи носил титул «дюла», вполне реальна, но она, все же, записана уже во времена утверждения династии Арпадов (легитимность которой специально подчеркивается бездетностью Леведи) и не объясняет, почему у информатора византийцев предыстория мадьяр настолько ассоциировалась с именем Леведи, что им даже называли древние места жительства.

ла против мадьяр даже рассматривается историками как «факт», не позволяющий предполагать подчинение мадьяр хазарам в 30-х гг. IX в. (*Kristo 1996*, *p. 132*).

Отметим сразу, что проблема обустройства системы крепостей на западной границе Хазарии, которую М.И. Артамонов рассматривал как построенную против мадьяр, в исследованиях Г.Е. Афанасьева (Афанасьев 1987; 1993) приобрела совершенно другой оттенок. Полученный хазарами при строительстве Саркела фортификационный опыт был использован для постройки целой серии каменных крепостей на северо-западе Хазарии, в лесостепном Подонье, причем одна из таких крепостей - Маяцкое городище - контролировала Донской путь на сотни километров выше по течению от Саркела, где единственным противником хазар выступали русы. В степной части Дона таких крепостей оказалось только две – Саркел с Правобережным Цимлянским и Семикаракорское городище, т. е. уровень опасности в этой части западной границы оценивался как гораздо более низкий.

Хронология рассмотренных событий такова: 830-836 гг. – переселение мадьяр; 834-837 гг. – посольство хазар в Константинополь; ок. 837 г. – конфликт мадьяр и византийцев; 837-838 гг. – посольство русов в Константинополь; 838-839 гг. – возведение Саркела.

Ключевыми событиями из этого перечня могут оказаться переселение мадьяр и их неудачное сражение с македонцами. Если появление мадьяр в Северном Причерноморье резко меняло соотношение сил в гипотетическом хазаро-русском противостоянии, то вступление мадьяр в болгаро-византийский конфликт на стороне болгар могло уже вызвать немедленное посольство русов в Византию в надежде получить нового союзника. Византийцы, оценив ситуацию, именно в 837-838 гг. могли из двух потенциальных союзников избрать более знакомого и, ввиду «мадьярского фактора», более опасного для себя, т.е. Хазарию, русское же посольство, дабы выиграть время, было отправлено домой невообразимым «кружным путем», до сих пор поражающим умы исследователей, как русы и оказались при дворе франков.

Скорее всего, к моменту возвращения русов домой Саркел уже был в основных чертах закончен. После возвращения Петроны Каматира домой, в 841 г. была создана фема Херсона, во главе которой и был поставлен Петрона. Создание фемы сопровождалось значительными территориальными уступками хазар в Крыму, прежде всего, к Византии на время перешла Крымская Готия (Цукерман 1998, с. 672, 678), что весьма прозрачно указывает на цену сооружения Саркела.

Очень важно, что результат этой сложной дипломатической комбинации на целых 20 лет стабилизировал ситуацию, а, следовательно, два крупнейших политических игрока — Византия и Хазария — образованием фемы Херсона и сооружением линии укреплений на западной границе Хазарии добились гарантий собственной безопасности. Но всего спустя 20 лет все действующие лица вновь выходят на историческую арену.

За это время в хазаро-мадьярских отношениях произошли определенные институциональные изменения. Пребывая в «стране Леведии», статус мадьяр описывается Константином Багрянородным как «союзники», хотя в награду за помощь Леведи получил в жены всего лишь «знатную хазарку». Для сравнения, правитель «гуннов» Дагестана Алп-Эльтебер в 60-х гг. VII в. был вызван в ставку кагана и получил в жены дочь кагана одновременно с титулом эльтебера (Мовсэс Каланкатуаци 1984, с. 127, 128). Практически одновременно, в 664 г. в походную ставку кагана вызвали правителя Албании Джуаншера, где он был обручен с другой дочерью кагана (Мовсэс Каланкатуаци 1984, с. 102, 103). А в 761 г. дочь кагана была выдана за арабского наместника Закавказья Язида ас-Сулами (Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи 1981, с. 63).

Похоже, что на раннем этапе хазары не расценивали мадьяр как полновесного партнера. Но «малое время прошло» после переселения мадьяр в Этелькез, и аналогичный вызов в ставку кагана получил «первый воевода» мадьяр Леведи. Переданная информатором Константина

Багрянородного речь кагана и ответ Леведи (Константин Багрянородный 1991, с. 160-161), несмотря на апокрифичность, не оставляют сомнений, что каган решил применить к мадьярам традиционный институт эльтебера со всеми вытекающими отсюда последствиями - процедурами выражения лояльности и централизацией сбора налогов. Леведи якобы отказался от подобной чести, предпочитая уступить титул Алмушу, но решение в реальности принимал традиционный совет племенного союза Хетумогер (правда, под надзором «людей кагана»), избравший эльтебером сына Алмуша Арпада или же, что более вероятно, учитывая хронологию, самого Алмуша⁵. Новый институт несомненно оказал серьёзное централизирующее влияние на организацию мадьярского союза, заложив основы будущей королевской династии.

В июне 860 г. русы на 200 (или 380) кораблях нападают на окрестности Константинополя. И хотя от самой столицы русы были отброшены, как независимо свидетельствуют Никита Пафлагон и Иоанн Диакон, им удалось беспрепятственно опустошить побережье и острова (Бибиков 2003, с. 95, 106; Назаренко 2003, с. 290, 291).

Пространная версия Жития Константина Философа и латинский текст об обретении мощей св. Климента (создан ок.

880 г.) рассказывают, что в тот же год посольство к византийцам прислали хазары, приглашая «книжного мужа» на религиозный диспут (Бодянский 1863, с. 12; Житие и перенесение мощей св. Климен*ma 1865*, с. 327-328). Славянский вариант говорит, что в ответ был направлен с миссией Константин Философ, а латинский вариант даже уточняет, что император отправил его «совместно с послами теми [Хазар] и своими». Сюжет о посольстве, впрочем, считается выдумкой агиографа, поскольку посланный к хазарам Константин столкнулся с другой реальностью - зимой или весной 861 г. к Херсону подступили хазарские войска: «Хазарский же воевода пришел с воинами, обступил христианский город и стал лагерем рядом с ним»⁶ (Бодянский 1863, с. 12).

Состояние военного конфликта подтверждает и сюжет отбытия Константина из ставки кагана — миссионер отказывается от награды и просит выдать ему пленных греков, которых и получает в числе 20 человек (Бодянский 1863, с. 21). Эпизод осады Херсона хазарами весьма любопытен — Константин со спутниками из своей дипломатической миссии, «не поленившись», идет в лагерь хазар и вступает в переговоры с их предводителем («воеводой»), который отпускает его, отходит от города и даже обещает креститься. Но на обратном пути в город во время обя-

⁵ Дата события вызвала дискуссию, поскольку ряд исследователей (М.И.Артамонов, Д.М.Данлоп, Д.Дьерфи, К.Чегледи и др.) увязывали эпизод избрания Арпада с поражением мадьяр от печенегов 889-895 гг., вопреки прямому указанию Константина, что печенеги изгнали мадьяр «с архонтом их Арпадом» (обзор см.: Kristo 1996, р. 159-166). Венгерская традиция о переселении мадьяр из Дентумогер связывает его с именем Алмуша, а византийская – с его современником Леведи. Допустив, что к 889-895 гг. оба были живы и дееспособны, придется заключить, что в 30-х гг. ІХ в. они ещё младенцами возглавляли мадьярские племена. Отсутствие сведений об Алмуше в Паннонии даже привело автора венгерской хроники XIV в. к заключению, что он «был убит в Трансильвании», породившему дискуссию о существовании у мадьяр аналогичного хазарскому обычая «сакрального убийства» царя (Kristo 1996, р. 166). Контрольная дата смерти Арпада, согласно Анониму, 907 г. (или, как полагают, венгерские исследователи, на несколько лет раньше), указывает на его рождение уже в Этелькезе, а следовательно, в период 840-860 гг. он едва мог достичь полнолетия. Это позволяет заключить, что данные Анонима об избрании первым королем именно Алмуша действительно верны.

⁶ В одном из последних русских переводов Л.В. Мошковой и А.А. Турилова «оплетеса о немъ» (дословно: «окружился забором рядом с ним») передано как «начал тяжбу о нем», вероятно, на основании какого-то редкого значения. Это создает возможности другой интерпретации действий хазар, но «юридические» мотивы откровенно слабо увязываются с контекстом повествования, ставящего в заслугу Константину то, что хазары отошли, «никоеаже пакости сътвори людем тѣмъ» – «не причинив никакого вреда (зла, ущерба, разорения) людям тем».

зательной часовой молитвы византийцев обступили «Угри» (в греческом оригинале, скорее всего, этноним фигурировал как «Тюрки»), «по-волчьи воя, желая их убить». Увидев непоколебимость Константина в завершении службы, мадьяры кланяются ему и отпускают. После этого Константин возвращается в город и отбывает на корабле к Меотскому озеру, т.е., очевидно, в Таматарху, откуда уже далее к «Каспийским воротам» (Бодянский 1863, с. 12). В этом сюжете мадьяры, несомненно, находились в авангарде хазарской армии у Херсона.

В русле своей концепции К. Цукерман предлагает довольно сложную комбинацию для объяснения сюжета: переправившиеся зимой по льду Керченского залива хазары сначала начинают, затем снимают осаду неизвестного «христианского города» из-за приближения враждебных им мадьяр, которые нападают на миссионера как вышедшего из вражеского лагеря (Цукерман 1998, с. 675, 677). Сам характер источника не вызывает удивления о наличии в нем стандартных историй о «чудесах». Первое такое чудо обращение вспять врагов силой слова или молитвы, второе - невредимое возвращение после нападения язычников, из-за чего Ю.М. Могаричев вообще счел всю историю выдумкой агиографа (Могаричев 2002, c. 52). Но обратим внимание на то, чего из стандартных фраз нет в Житии, а именно, традиционного сюжета о ликовании освобожденных жителей и их благодарности святому. Наделенный дипломатическими полномочиями Константин провел переговоры с хазарским воеводой, несомненно, озадаченным посольством к самому кагану, и добился неприкосновенности города, но действительно ли снятия осады, а не временного отхода? Сюжет помещен в главе, где речь идет только Херсоне, поэтому подозревать неизвестный «христианский город» нет особых оснований. Тот факт, что Константин отплыл к хазарам морем, однозначно свидетельствует, что миссионер отплыл туда из Херсона (другого порта у Византии в Крыму в это время просто не было, да и по Житию Константин дожидался снаряжения корабля в Херсоне). А следовательно, даже из «неизвестного христианского города» (куда, получается, «укрощенные» хазары его не впустили) Константин все равно возвращался в Херсон, и находился на византийской территории, а не в «мадьярской степи».

Почему же мадьяры, в свете этого сюжета, враждебные одновременно византийцам и хазарам, без всяких вопросов отпускают дипломатическую миссию к кагану? Почему мадьяры, «пытающиеся отрезать хазарам пути к возвращению», отрезают их от Херсона, а не от Керчи (или Перекопа)? Вызывает недоумение и сама уверенность исследователя в замерзании Керченского пролива. Это крайне редкое природное явление всегда сопровождалось замерзанием всей северной береговой линии Черного моря. Но 30 января 861 г. Константин снаряжает корабль в Херсоне, плывет на соседний островок и даже устраивает обширные раскопки в поисках могилы Климента (Бодянский 1863, с. 12; Житие и перенесение мощей св. Климента 1865, с. 331-332). Немедленно же после переговоров с воеводой Константин «възврати же са ... въ свои поуть» и отплыл морем к хазарам «на Меотское езеро», т.е. именно в Керченский пролив. Все это было возможным только в условиях мягкой бесснежной зимы без сильных ветров или же просто весной. Наконец, финальный вопрос: Константин спас жителей византийского города от хазар, но сам едва спасся от мадьяр; а чем дальше занялась в Крыму мадьярская армия, якобы способная напугать даже хазарского воеводу, - неужели на неё также подействовало «укрощение» Константина?

Отбросив налет агиографических штампов, следует зафиксировать факты: Константин успешно заключил перемирие с хазарами, после чего немедленно решил отправиться к кагану; задержавшие его на пути назад в Херсон мадьяры благополучно отпустили посольство; из ставки кагана Константин вернулся с «благодарственными письмами» императору, означавшими на практике заключение мира и реальные гарантии безопасности Херсону.

В 862 г. мадьяры (qui Ungri vocantur) неожиданно фиксируются очень дале-

ко от Причерноморья — они участвовали во вторжении в Австрию во время усобицы между императором Луи и его сыном Карлманом (Annales Bertiniani 1883, р. 60). Следующий зафиксированный источниками эпизод вторжения в Австрию случился в 881 г. Хроника упоминает под этим годом: «Первая война с Унграми под Венией. Вторая война с Коварами под Кульмите (cum Cowaris ad Culmite)» (Bresslau 1934, р. 742). Эти факты позволяют локализировать восстание кабар против центральной власти Хазарии, а также разрыв отношений с мадьярами в промежутке между 861-881 гг.

Как справедливо отмечено К. Цукерманом, враждебные отношения мадьяр с хазарами фактически отрезали Крымский полуостров от Хазарии. Письмо Фотия к архиепископу Боспора Антонию, рассказывающее о желании последнего крестить евреев, может указывать если не на потерю Керчи, то, во всяком случае, на серьезное ослабление там хазарского влияния уже к 873 г.⁷ (*Цукерман 1998*, с. 676, 677; Сорочан 2005, с. 347). Часто, как доказательство перехода Керчи под византийское влияние уже во 2-й пол. ІХ в., используется и информация ал-Джайхани о том, что мадьяры продают невольников византийцам в городе K.r.h, но, вопервых, речь могла просто идти только о месте торга⁸, во-вторых, как указывалось выше, весьма вероятна и его тождественность Херсону. Кроме того, древнееврейские источники (письмо царя Иосифа и Кембриджский документ) документируют несомненную хазарскую юрисдикцию города в 1-й пол. Х в. Более информативно, пожалуй, отмеченное археологией проникновение в Керчь последней четверти IX в. византийских строительных традиций, хотя и на фоне полного сохранения

облика материальной культуры салтовского круга (*Айбабин 1999, с. 222*).

Любопытно, что известные из письменных источников данные о предшествующих десятилетиях хазарско-византийских отношений в Крыму никак не располагают к какому-либо усилению роли Византии в регионе. Судя по переименованию фемы Климаты в фему Херсона, случившемуся не позднее 50-х гг. IX в. (Цукерман 1998, с. 678; Айбабин 1999, с. 220-221), Византии так и не удалось удержать под своим протекторатом Готию.

Важное описание Херсона к моменту его посещения Константином или вскоре после него передано Анастасием Библиотекарем в письме к епископу Гаудерику 875 г. (Ягич 1893, прил. 6; Perels, Laehr 1928, s. 435-438). Анастасий ссылался на информацию митрополита Смирны Митрофана, сосланного в Херсонес патриархом Фотием (т.е. до 867 г.). Херсон (*Cersonem*), quae Chazarorum terrae vicina est - «который находится в соседстве с землей Хазар» (в латинской истории о мощах Климента quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est - «который примыкает к соседней землей Хазар»), характеризируется Митрофаном в крайне черных тонах. Население города составляют не родившиеся здесь, a sit Romani locus imperii et a diversis barbarorum quam maxime nationibus frequentetur – «из различных мест Римской империи и преимущественно из различных варварских народов стекшиеся во множестве». Сам город пришел в упадок под давлением «тягостей многих», «место стало опустевшим и обезлюдевшим, храм разрушен, и вся упомянутая часть Херсонской области почти покинута, в результате чего епископ Херсона внутри того города с немногочисленным народом остаются на одном месте, и

⁷ Решающего значения этот факт, к сожалению, не имеет, поскольку, во-первых, намерения епископа не подкреплены действиями, во-вторых, нет ни малейших указаний на «силовой» вариант крещения евреев. Скептики могут также отметить, что в условиях насильственного крещения евреев по всей империи в 873 г. Антоний, скорее, должен был получить подобный приказ, а не ставить себе в заслугу уже сами намерения.

⁸ Выход мадьяр из-под власти хазар совсем не означал взаимной войны на уничтожение. *Ср.*: у Константина Багрянородного отношения русов и печенегов описаны как череда мирных и враждебных периодов, а разорение земель руссов и Херсона печенегами не препятствовало торговле с ними из-за её выгодности (Константин Багрянородный 1991, с. 36-43).

так, представляется, конечно, являются жителями не столько гражданского города, сколько тюрьмы, из которой не отваживаются выходить» (Perels, Laehr 1928, s. 436-437).

Анастасий говорит только о «разрастании вокруг множества язычников» (crescente circunquaque multitudine paganorum), тогда как латинское сказание о мощах Климента упадок Херсона объясняет: ob multitudinem incursantium barbarorum - «вследствие многочисленных варварских набегов» (Житие и перенесение мощей св. Климента 1865, с. 329). В 861 г. свидетелем одного из таких вторжений стал и сам Константин. Но после его возвращения от кагана в Херсон Константин не только привозит желаемый мир, но и, узнав от архиепископа о совершении языческих ритуалов в городе Фулы, вновь отправляется с миссией в Хазарию, успешно убеждая язычников срубить священный дуб (Бодянский 1863, c. 21-22), что означает несомненное получение от кагана гарантий беспрепятственного распространения христианства в крымской Хазарии («и повѣлехомъ крститиса своею волею»).

Именно с усилением позиций христианской церкви и можно связать усиление влияния византийской культуры в Крыму. Но ослабление хазарского политического влияния это не объясняет. Как и не объясняет, почему Митрофан даже после миссии Константина сравнивал жизнь в Херсоне с тюрьмой.

Разъяснение событий, возможно, подсказывает ещё один источник - Житие Стефана Сурожского. Многократно комментировавшийся древнерусский перевод Жития сообщает, что через некоторое время после смерти святого пришли из Новгорода войска князя Бравлина (Бравлинъ) и захватили земли от Херсона до Керчи («wт Корсоуна и до Корча»), после чего вторглись в Сугдею («Соурож») (Ivanov 2006, р. 159-161). Армянский перевод того же источника свидетельствует: «Спустя годы некий Пролис (Prolis) из народа жестокого и языческого (варварского) пришел с войсками и опустошил Керчь и её округу. Далее он двинулся к Херсону (Shrson), опустошая и уводя в плен мужчин, женщин и детей, а остальных предавая мечу. Затем он вторгся со своими войсками в Сугдею (Sougda)» (Bozoyan 2006, р. 104-105). Ниже оба перевода пересказывают о чуде, свершившемся в церкви Св. Софии, закончившемся крещением варваров.

Сюжеты о хазарском кагане Вирхоре из предшествующих частей армянского перевода Жития указывают на очень хорошее знакомство авторов с хазарами, что исключает из вероятной даты хазаромадьярский поход на Херсон 861 г. или более поздние хазарские походы, не говоря уже о том, что в случае потери хазарами Сугдеи и Керчи к тому моменту, они, скорее, стремились бы просто восстановить свой контроль на этим регионом, а не устраивали классический грабительский набег. Древнерусский переводчик в целом резонно расценил, что этим неизвестным языческим народом могли быть русы, произведя не известного летописям новгородского князя. Впрочем, ни одна из форм имени, ни реконструируемое из древнерусского и армянского текстов имя Βρουλις - «Врул / Брул», не похожи и на имена известных из источников мадьярских вождей IX в. (хотя в отношении достоверности поздней венгерской традиции о составе вождей семи племен этого периода, не принадлежащих к роду Арпада, особого доверия у современных исследователей нет). Соотнести упомянутых «язычников» с мадьярами больше вынуждает историческая ситуация. Как бы мы не расценивали византийские свидетельства о крещении русов в 60-70-х гг. IX в. (*Бибиков 2003*, с. 103-108), они несомненно отражают какие-то удачные попытки византийской дипломатии наладить отношения с Русью. Не свидетельствует в пользу русов, совершавших до 941 г. только походы на кораблях, и характер описанного в Житии Стефана Сурожского нападения, затронувшего обширную область между Херсоном и Керчью. И хотя о характере государственной юрисдикции Юго-Восточного Крыма во 2-й пол. IX ст. у нас фактически нет никаких источников, больше оснований полагать, что мадьярский набег был направлен не против Византии, а против подчиненных хазарам областей.

О наличии следов каких-то потрясений в Хазарии во 2-й пол. IX в. красноречиво свидетельствует разгром Правобережного Цимлянского городища. То, что события «гражданской войны» затронули в основном западную часть Хазарии, маркируют не только отложение мадьяр и присоединение к ним кабар, но и тот факт, что не симпатизировавшие хазарам волжские булгары, тем не менее, были вынуждены подчиняться хазарам ещё и в нач. Х в., во время визита ибн-Фадлана.

Причины и ход войны остаются загадкой, но есть указание «Кембриджского Анонима» на период в истории Хазарии, когда «не было царя в земле Хазарии, и тот кто одерживал победы в войне, мог возвыситься над ними как предводитель армии». Именно таким путем, по мнению Анонима, был избран царем потомок еврейских беженцев из Армении, смешавшихся с хазарами. Узнав о таком факте, «цари Македонии» и «цари Аравии» в раздражении послали к нему посланников с речами против веры евреев, но потерпели неудачу в споре. Военачальника-иудея «поставили царем на ними», а KGN стал титулом судьи (Golb, Pritsak 1982, p. 107-113). Упоминание «царей Македонии» указывает на Македонскую династию императоров Византии, датируя события не раньше 867 г., но эта форма могла быть и просто обычной для времени создания памятника. Более точное хронологическое указание - это упоминание религиозного диспута, случившегося в 861 г. Именно после этого диспута иудей, согласно Анониму, и стал царем. «Период без царя», т.е. кагана - весьма интересная подробность. Учитывая существование огромного каганского гарема, прекращение рода кагана (особенно со всеми боковыми ветвями) по естественным причинам представляется маловероятным. Зафиксированное же арабскими источниками состояние «двоевластия» у хазар X в., когда «сакральный» выборный каган мог избираться из кандидатов, торгующих на рынке Атиля, означало несомненное прекращение царствующей династии, скорее всего, её полное уничтожение или низведение до рядового слоя общества. «Восставшие» против царя кабары, в таком случае, и представляли проигравшую «каганскую партию».

Древнетюркские формы qabar - «надуваться», qapa - «поднятый», «высокий» (Древнетюркский словарь 1969, с. 399, 420), чуваш. «капар» – «нарядный», производные формы имеют оттенок «быть хвастливым, щеголять» (Федотов 1996, с. 225-226), общ. тюрк. qaba – «пышный», qabar – «набухать, важничать, чваниться, гордиться», производные - «опухать, опухоль» (Этимологический словарь тюркских языков 1997, с. 158, 165, 166). Учитывая, что «кабарами» себя продолжали называть сами «повстанцы», негативный оттенок «опухоль» вряд ли вероятен, скорее, подразумевался лексический ряд «высокий, важный, пышный, гордый». Такое наименование вполне подходит именно для группы родов «каганской партии». Обратим внимание и на свидетельство Константина Багрянородного, что после соединения с мадьярами кабары, «поскольку в войнах они показали себя самими сильными и мужественными из восьми родов и предводительствовали в сражении, продвинулись в первые роды» (Константин Багрянородный 1991, с. 162).

исторической Следуя канве Кембриджского документа (а также указаниям письма царя Иосифа о принятии иудаизма его предком, т.е. бегом) мы должны предположить, что в 861 г. принятия иудаизма каганом хазар не случилось. Внутри знати хазар возникли серьёзнейшие разногласия, закончившиеся усобицей, в которой на первый план вышли «младшие» роды партии бега-иудея, тогда как три «старших» рода - «кабары» - выступившие на стороне кагана, потерпели сокрушительное поражение и бежали на запад к персональным союзникам погибшего кагана – мадьярам Арпада (или ещё Алмуша)9. Заняв одну из лидирующих позиций в союзе Хетумогер, кабары

 $^{^9}$ Среди историков и даже некоторых археологов довольно распространено мнение об «иудаизме» кабар и, следовательно, о невозможности связи «гражданской войны» с принятием иудаизма на

с мадьярами, вполне вероятно, обрушиваются на владения своих противников в Крыму и на Нижнем Дону, но пробиться вглубь Хазарии оказываются не в силах, что фиксирует на некоторое время состояние status quo.

На время хазары исчезают из международных политических событий. Под 884 г. «ПВЛ» размещает поход Олега на хазарских данников северян, а в следующем 885 г. – на радимичей. Поход Олег аргументировал именно антихазарской политикой: «не дастъ имъ Козаромъ дани платити... азъ имъ противенъ а вамъ не чему» (ПСРЛ 2001, т. 1, ст. 24; ПСРЛ 2001, т. 2, ст. 17). В 886/887 г. эмир Дербента Мухаммед совершил поход на принадлежавший хазарам г. Шандан, но лишь в 900/901 г. хазарский царь К-са сын Б.лджана совершил ответный поход на Дербент (Новосельцев 1990, с. 193). Задержку реакции хазар объясняют «степные» события.

Восходящий к источнику IX в. рассказ ибн-Русте сообщает, что «Хазары окружали себя рвами, чтобы защищаться от Мадьяр и других соседних народов», а также, что «каждый год Хазары ведут войну с печенегами» (Minorsky 19376, р. 143). Кочевники всегда чутко реагировали на ослабление соседних государств, поэтому закономерным выглядит, что ослабленная усобицами Хазария подвергалась ежегодным набегам печенегов, и именно они превратились в главную угрозу.

Хроника Регино сообщает, что в 889 г. мадьяры были вынуждены покинуть свои земли под давлением печенегов, а также из-за невозможности прокормить накопившуюся там массу народа. Отметим сразу, что сведения Регино во многом стериотипны, как и сама характеристика мадьяр: «Племя Венгров (gens Hungarium), свирепее, чем самое жестокое животное, прежде, до времени того, неслыханное и не упоминаемое». Регино использует довольно большой фрагмент

древнего географического описания Скифии, говорит о её перенаселенности и невозможности питать столь многочисленные народы, откуда далее выводит причину миграции мадьяр. Этот книжный сюжет, также как и упоминание о переселении мадьяр «из Скифии от реки Танаис», вряд ли можно считать аутентичным. Современная же Регино информация, очевидно, говорит о мадьярах только то, что они «были изгнаны из своей страны ближайшими соседями своими, народом, называемым Пецинаки (Pecinaci)» (Reginonis abbatis Prumiensis chronicon 1890, p. 131-132).

Впрочем, в событиях Дунайского региона мадьяры появляются только позже — в 892 г. мадьяры воюют на стороне франков против Моравии, а в 894 г. — наоборот, на стороне мораван (Kristo 1996, р. 87-88, 175-182). Византийские источники об обстоятельствах конфликта печенегов с мадьярами сообщают более подробно. Константин Багрянородный рассказывает, что в союзе с огузами хазары наконец разбили атаковавших их печенегов, заставив последних переселиться в Северное Причерноморье и вытеснить мадьяр (Константин Багрянородный 1991, с. 154-159).

Данные Константина о том, что землю печенегов за Волгой заняли огузы, а оставшиеся за Волгой печенеги живут среди гузов, отличаясь от них только укороченной одеждой (Константин Ба*грянородный 1990, с. 156-157*), не совсем точны. Арабские географы очерчивают границы печенегов в Х в. противоречиво, обозначая западными соседями печенегов хазар, славян и Византию, а восточными соседями считая огузов, башкир и кипчаков ($3axo\partial ep\ 1967$, с. 70-76). И лишь «Худуд ал-алам» специально разделяет «хазарских» и «тюркских» печенегов (Xy- $\partial y \partial \ a$ л-Алем 1930, с. 31), правда, опять с не очень ясной локализацией. Соседями «тюркских» печенегов выступают с запа-

основании находок из могильника Челарево в Сербии (Эрдели 1983). Эта нелепая ошибка целиком на совести интерпретаторов этого обычного позднеаварского могильника VIII — нач. IX вв., в слое которого были найдены многочисленные фрагменты римской черепицы III в. с иудейскими граффити, совершенно верно датированные и интерпретированные автором раскопок (Burnadžć 1985).

да мадьяры и русы, на юге — буртасы, а на востоке — гузы. Соседями «хазарских» печенегов, являющихся частью печенегов «тюркских», переселившихся и захвативших новые земли, на юге являются аланы, а на восток от них расположена гора Хазар, что должно соответствовать междуречью Дона и Волги, т.е. собственно Хазарии (Minorsky 1937a, p. 101, 160).

Впрочем, параллельный сюжет об овладении новой землей есть у ибн-Хаукаля и Истахри, более уверенно говорящих о проживании этих печенегов «между хазарами и Румом» (Ibn Haukal 1964, p. 15; $3axo\partial ep 1967, c. 76$). «Тюркские» печенеги, в таком случае, это - часть печенежских родов, оставшаяся на своих землях за Волгой. Не исключено также, что информация Ибн Хаукаля о соседстве печенегов с башкирами (Ibn Haukal 1964, p. 387, 389) отражает смещение огузами этой группы печенегов после 889 г. на север, в зону, ранее служившей южной частью мадьярского ареала. Только в 965 г. огузы нанесли заволжским печенегам второе, решающее поражение, заставив последних соединиться со своими родственниками в Причерноморье, а сами развязали войну с обескровленной Хазарией. В 968 г. значительно укрепившиеся печенеги, очевидно, подкупленные византийцами, осадили Киев. Вернувшийся из похода в Болгарию Святослав отогнал печенегов в поле, но, считая их по-прежнему «хазарскими», нанес в 968/969 г. последний сокрушительный удар Хазарии.

Таким образом, в 889 г. хазары не просто переселили печенегов в Северное Причерноморье для борьбы с «врагом № 2» – мадьярами, но и обезопасили себя, разделив их на две части. Ослабленные печенежские роды, даже несмотря на присутствие среди них главного рода кангар, не обладали в 889 г. достаточной силой, чтобы немедленно вытеснить мадьяр, что и вызвало наблюдаемую в источниках задержку, и, скорее, служили «буфером» между мадьярами и Хазарией. В историографии традиционно предполагается, что с появлением печенегов мадьяры оставили Левобережье Днепра и сконцентрировались к западу от Днестра или Южного Буга, где оказались в относительной безопасности. В 895 г., по просьбе византийского императора Льва VI, мадьяры даже вторгаются в Болгарию, заставив болгар подписать мирный договор с Византией. Но в ответ болгарский царь Симеон заключил союз с печенегами, и объединенные силы болгар и печенегов нанесли мадьярам решающее поражение, вытеснив их со своих мест проживания (Константин Багрянородный 1991, с. 162-165), а затем развязали новую войну с Византией. К 896 г. мадьяры уже окончательно переселились в Карпатскую котловину (Kristo 1996, р. 184-196).

Таким образом, период пребывания мадьяр в Северном Причерноморье уверенно определяется рамками 836-895 гг., с допуском в сторону возможности чуть более раннего появления (830-831 гг.). 60-65 лет проживания мадьяр в Этелькезе означают, что ни одно из поколений, родившихся в стране Дентумогер, практически не имело шансов дожить до переселения в Карпатскую котловину, а следовательно, прямое перенесение культуры мадьяр из Заволжского региона в Подунавье невозможно.

Археологические памятники мадьяр Этелькеза, таким образом, приобретают важнейшее значение «связующего звена». Рассмотренные выше письменные источники позволяют уверенно выделить следующие ожидаемые критерии археологической культуры мадьяр Этелькеза:

- 1) это памятники Северного Причерноморья середины 2-й пол. IX в. (836-895 гг.);
- 2) наличие культурных признаков памятников 1-й пол. IX в. из региона Заволжья, желательно соседящего с ареалом Волжской Булгарии;
- 3) наличие признаков контактов сер. IX в. с салтово-маяцкой КИО;
- 4) наличие признаков контактов середины 2-й пол. IX в. со славянами и византийским Крымом;
- 5) сходство базовых признаков погребального обряда и материальной культуры с ранним пластом (1-я пол. X в.) венгерских памятников современной Венгрии.

Археология в поисках протовенгров

В 1896 г. Венгрия готовилась праздновать тысячелетие обретения родины. Научная общественность отреагировала на это событие всплеском внимания к истории и археологии периода завоевания (Lango 2005, р. 191, 202-205). Наиболее впечатляющие результаты от этого импульса были достигнуты археологией: если обобщающая монография Й. Хампеля 1896 г. насчитывала всего 56 могильников эпохи завоевания (Hampel 1896), в работе 1905 г. таких пунктов числилось уже более 80 (Hampel 1905), а в 1907 г. – уже более 100 (Hampel 1907).

Усилился и интерес к проблеме поиска прародины венгров на востоке. В поисках «кавказской прародины» граф Е. Зичи за собственный счет организовал серию поездок на юг России и Северный Кавказ. Во второй экспедиции 1896 г. его сопровождал археолог М. Возинский, но результаты поездки были суммированы молодым исследователем Б. Поштой, приглашенным графом в следующую экспедицию 1897 г. (Lango 2005, р. 207-208). Третья экспедиция охватывала серьезнейшее на то время количество пунктов: Варшава, Хельсинки, Санкт-Петербург, Москва, Тверь, Киев, Одесса, Керчь, Тифлис, Астрахань, Самара, Симбирск, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск и Минусинск, в которых Б. Пошта имел возможность ознакомиться с коллекциями музеев, литературой и установить контакты с коллегами. Результатом поездки стала монография Б. Пошты «Археологические исследования в Русской земле» (Posta 1905), первая часть которой была посвящена проблеме поиска аналогий культуре венгров эпохи завоевания, а вторая - более раннему материалу, поскольку исследователь, в русле представлений Е. Зичи, начинал историю мадьяр с савиров и оногуров. Б. Пошта в качестве ключевых комплексов, обнаруживающих более всего элементов схожести с могильниками Венгрии, выделил три: Балымерский курган, Загребинский могильник и разрушенное погребение из Воробьевки (рис. 1).

Разделенные большим расстоянием, все три памятника не демонстрировали и единый культурный тип. Биритуальный (кремационно-ингумационный с кенотафами) Загребинский (Юмский) могильник из бассейна р. Вятки привлек внимание Б. Пошты саблей, напоминающей контруктивные особенности «сабли Карла Великого». Разрушенное ингумационное погребение из Воробьевки в Подонье обнаруживало схожесть с загребинскими находками типом сабли и «лотосовидным» декором поясных деталей, с венгерскими же могильниками эпохи завоевания обнаруживали сходство стремена и декор щитка пряжки. Наконец, единственное погребение, действительно происходящее из предполагаемого региона Magna Hungaria – Балымерский курган, насыпанный над кремационным погребением, вмещал скандинавский меч Х в. и несколько круглых бляшек с розетками «перевязанным» бордюром, действительно находящим близкие аналогии в Венгрии. Рассмотренному комплексу признаков исследователь также отметил параллели среди поясных деталей из Северного Кавказа и Волжской Булгарии, оружия из Киева. Б. Пошта не закончил монографию определенными выводами, сохраняя больше стиль отчета, и, вероятно, расчитывая на продолжение исследований в России.

Наблюдения Б. Пошты были немедленно развиты И. Хампелем. Уже в следующей монографии он включил раздел «Культурные аналогии», где использовал материалы Балымерского, Загребинского и Воробьевского комплексов, часть приведенных Б. Поштой бляшек кавказских и булгарских поясных наборов, а также материалы черноклобукского погребения XI-XII вв., раскопанного В.В. Хвойкой между сс. Новоселки и Черняхов (на юге современной Киевской обл.), и меч из киевского погребения на ул. Рейтарской (№ 108, по М.К. Каргеру) (*Hampel 1907*, s. 237-274). Основное внимание исследователь уделил вопросам генезиса декоративных элементов, отметив их вероятные сассанидские и византийские прототипы.

A.А. Спицин отреагировал на работы венгерских исследователей статьей, в

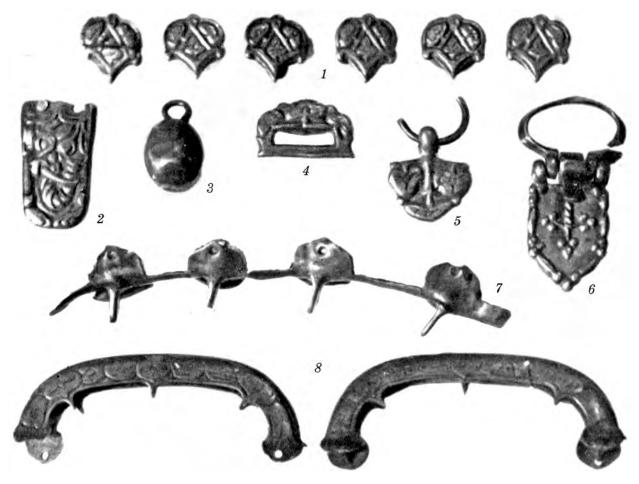

Рис. 1. Комплекс погребения из Воробьевки.

которой датировал Балымерский курган X в. и связал его с торговцами-русами, имевшими контакты с Венгрией; венгерским импортом исследователь счел и удила с резными костяными псалиями из древнерусского кургана под Любичем (Спицин 1914, с. 107-110).

Ю.В. Готье, рассматривая салтовские памятники Подонья, отнес комплекс из Воробьевки к салтовской культуре, носителей которой отождествил с аланами. По мнению исследователя, мадьяры появились в этом регионе в нач. ІХ в. и нарушили мир, установленный хазарами. Локализируя Леведию на юге «недалеко от мест жительств Донецких и Донских алан», Ю.В. Готье предполагал, что часть алан могла быть подчинена мадьярами (Готье 1927, с. 73-74).

Следующий этап исследований связан с именем Н. Феттиха. В 1926 г. он посетил СССР, ознакомился с коллекциями Москвы. Результатом этой поездки Н. Фет-

тиха можно считать в равной степени как выход его собственных монографий в 1929 (Fettich 1929) и 1935 г., её второго издания (Fettich 1937), так и совместной монографии А.А. Захарова и В.В. Арендта (Zaharov, Arendt 1935). В приложении к монографии Н. Феттиха также была опубликована работа Я. Пастернака о Крылосских погребениях — «Первые древневенгерские погребения севернее Карпат» (Pasternak 1937).

Первая из двух упомянутых книг Н. Феттиха рассматривала раннесредневековые бронзовые литые изделия с территории Венгрии в их связи с искусством кочевников Евразии. В качестве аналогий венгерским находкам Н. Феттих приводил отдельные находки из Верхнего Салтова, а комплекс из Редикора прямо относил к «искусству древнемадьярской группы памятников» (Fettich 1929, s. 73-75); также в качестве аналогий рассматривались и отдельные кавказские находки,

но в целом аналогии в книге носили очень поверхностный характер.

Следующая монография Н. Феттиха (Fettich 1937) посвящена только одному аспекту культуры венгров эпохи завоевания - генезису стиля металлических деталей пояса, узды и оружия, но охватывала в реальности гораздо больший спектр проблем, на этот раз рассмотренных гораздо основательнее. В поисках аналогий древнемадьярскому искусству исследователь привлек ряд памятников с территории СССР – Верхне-Салтовский могильник из бассейна Северского Донца, Танкеевский из Поволжья, Редикорский могильник из бассейна верхней Камы, Лядинский могильник из бассейна р. Цны, кочевнические материалы из Минусинской котловины и Алтая, древнерусские и скандинавские материалы. Из степных находок Северного Причерноморья Н. Феттих обратил внимание на разрушенное погребение из Новониколаевки, а также привлек материалы Крылосских погребений, согласившись с Я. Пастернаком о возможной связи их появления с путем мадьяр на запад.

Книга А.А. Захарова и В.В. Арендта под красноречивым названием «Studia Levedica» (Zaharov, Arendt 1935) появилась в 1935 г. одновременно с первым изданием монографии Н. Феттиха, и, скорее всего, задумывалась как обзор русскоязычной литературы по салтовской проблематике в её связи с древнемадьярской проблемой. Несмотря на прошедшие 30 лет после выхода книги Б. Пошты, и информационно, и методологически работа А.А. Захарова и В.В. Арендта казалась немедленной реакцией на неё с добавлением некоторых новых трудов. Собственно, в книге не только не были отражены новейшие на то время исследования салтовской проблематики 30-х гг., но и явно недостаточно учтены дореволюционные работы, касающиеся исследований салтовских памятников степной зоны. Развивая идеи о тюркском, степном происхождении основных элементов материальной культуры салтовских могильников, исследователи концентрировались всего лишь на трех элементах этой культуры: саблях, деталях наборных поясов и снаряжении коня. Усматривая именно в этих трех элементах салтовское влияние на мадьяр эпохи переселения, и выстраивая цепочку связей: Танкеевка — Лядинский — Воробьевка — Верхний Салтов, А.А. Захаров и В.В. Арендт предложили локализацию «Леведии» в лесостепной и лесной полосе от Воронежского Подонья до Поволжья, которая на долгие десятилетия стала доминирующей в венгерской историографии.

Начавший в это же время активные археологические раскопки Саркела и других нижнедонских памятников М.И. Артамонов отреагировал на публикацию резкой рецензией (Артамонов 1935), в которой указал как на несомненные методологические проблемы работы А.А. Захарова и В.В. Арендта, так и на игнорирование части источниковой базы. М.И. Артамонов считал поиски Леведии не только в ареале салтовской культуры, но и вообще - в лесостепной зоне, бесперспективными, считая, что мадьяры переселились непосредственно в Причерноморские степи. Такую оценку полностью разделили позже Н.Я. Мерперт (Мерперт 1951; 1955) и С.А. Плетнева (Плетнева 1967, с. 6).

В монографии «История хазар» (1962) М.И. Артамонов предложил и собственное видение археологической культуры мадьяр. Исследователь относил появление угорского населения в степях Восточной Европы ещё к гуннскому времени, выделяя в качестве таковых группу огурских племен V-VI вв. (огуры, оногуры, сарагуры, кутригуры, утигуры) (Артамонов 2002, с. 88-91). Считая, что достоверных мадьярских погребений в Северном Причерноморье пока не найдено, М.И. Артамонов обратил внимание на Стерлитамакский могильник в Башкирии как отражающий культуру, по крайней мере, среды угорского населения, из которой и вышли древние мадьяры (Артамонов 2002, c. 342-343).

В 40-60-х гг. XX в. проблема мадьярских памятников Этелькеза-Леведии ушла на второй план в силу отсутствия нового импульса для её обсуждения. За это время активно накапливались новые салтовские, славянские и древнерусские,

финно-угорские памятники в лесостепной зоне, а также происходили активные раскопки курганов в степной зоне Европейской части СССР. Отсутствие на этом фоне новых ярких находок комплексов мадьярского облика постепенно формировало у венгерских археологов представление о несомненной связи мадьяр Этелькеза-Леведии именно с салтовским ареалом Подонья, несмотря на «подозрительно» единогласное отрицание подобной возможности советскими исследователями¹⁰.

И. Эрдейи, продолживший традиции Б. Пошты и Н. Феттиха в части поездок в Россию, в 1961 г. предложил обзор проблемы Magna Hungaria в свете новых археологических исследований в Поволжье и Приуралье (Эрдейи 1961), а также обратил внимание на новые аналогии сти-

лю венгерских бляшек X в. в комплексах Поднепровья и Поволжья (*Erdely 1961*).

Во многом благодаря активности И. Эрдейи в 1972 г. увидел свет и советсковенгерский сборник «Проблемы археологии и древней истории угров», обусловивший несомненный сдвиг «венгерской» проблемы с мертвой точки в советской археологии. В частности, в данном сборнике были изданы статьи Е.А. Халиковой (Халикова 1972) и Е.П. Казакова (Казаков 1972), посвященные погребальному обряду и вещевому комплексу культуры Танкеевского могильника. Упоминавшийся ранее В.В. Арендтом и Н. Феттихом в контексте «венгерских связей» поясных деталей, этот могильник был впервые рассмотрен в комплексе этнических связей, выделены различные его компоненты, в т.ч. и древневенгерский (хотя в чуть

«Второсортные» кочевнические темы и работы попросту «затирались» в недобросовестной научной конкуренции; от них часто отказывались молодые ученые в надежде заняться более престижной темой, а так и не состоявшиеся на «кочевническом» поприще исследователи обвиняли в своих неудачах систему. Но зато чего стоили имена выдержавших в этих условиях, например, М.И. Артамонова, С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова, а также их школ! Совсем беспрепятственно развивались исследования кочевников раннего железного века (киммерийцев, скифов, сарматов).

«Венгерская» и «болгарская» тематика в послевоенный период, особенно после образования блока Варшавского договора, также находилась откровенно в более привилегированном положении, по сравнению, скажем, с хазарской, печенежской, половецкой или татарской проблематикой. Так, например, издание «советско-венгерских сборников» 1972 и 1984 гг. не могло пройти без согласования на уровне методического кабинета ЦК КПСС, а выход в 1977 и 1981 гг. работ Е.А. Халиковой, Е.П. Казакова и А.Х. Халикова в Будапеште без подобной санкции стоил бы, как минимум, работы исследователям! Отметим, что статье А.Н. Москаленко (Москаленко 1972), посвященной «опасной» теме славяно-венгерских связей, предшествовали исторические работы В.П. Шушарина (Шушарин 1961) и Г.И. Магнера (Магнер 1969), в которых из информации Анонима отбрасывались как тенденциозные сведения о подчинении Руси, но зато акцентировалось внимание на заключении союзного договора киевского князя и Алмоша. Наконец, о каком «запрете на венгерскую тематику» могла идти речь, если целая серия публикаций и дискуссия о происхождении культуры мадьяр отражены в центральном археологическом периодическом издании — «Советской археологии» (Халикова 1976а; 19766; 1978; Генинг 1977; Чурилова 1986; Бокий, Плетнева 1988)?!

¹⁰ Судя по историографическим обзорам, часть венгерских коллег и до сих пор плохо представляют себе реалии науки советского периода, списывая многие проблемы на «политический фактор» и порождая утверждения, что исследование и публикация венгерских памятников в СССР были попросту запрещены (Kovacs 2005, p. 354; Lango 2005, p. 240).

Традиционная «номадофобия» советской историографии в реальности никогда не касалась узких исследований проблем номадов — она возникала только в случае, когда такие исследования касались контактов кочевников со славянами, особенно носящих характер подчинения или войны. Причины были довольно прозрачны. Вторая мировая война оставила в сознании целого поколения болезненный шрам. Фашистские идеи о «второсортности» славян, всегда нуждавшихся для создания государства в «расе господ», вызвали к жизни не менее агрессивное политическое славянофильство (часто безосновательно смешиваемое зарубежными исследователями с «панславизмом»). В этой ситуации «славянофильские» направления и работы приобретали статус «идеологически верных», тогда как любое не понравившееся положение их оппонентов могло быть объявлено «идеологически вредным». К 1960-м гг. значение подобной аргументации существенно ослабело, но сформированная в 40-50-х гг. ХХ в. система престижности и приоритетов научных тем в целом сохранялась и далее.

более ранних работах акцент больше делался на булгарскую этническую составляющую могильника (Халикова 1971; Казаков 1971)). В этом же сборнике была опубликована и статья А.Н. Москаленко, представившая историографический обзор проблемы Этелькеза-Леведии, а также проблемы славяно-мадьярских отношений в IX-X вв. (Москаленко 1972). Исследователь, вслед за И. Эрдейи, выделила только два погребения мадьяр с территории Леведии-Этелькеза: Воробьевское, а также разрушенное погребение у «с. Волошенское» (Волосское), предположив также, что поселения мадьяр могут скрываться в выделенной С.А. Плетневой группе салтовских «болгарских» поселений Подонья (Москаленко 1972, с. 193-194).

Открытие и исследование Больше-Тиганского могильника в Поволжье (Халикова 1976а) позволило Е.А. Халиковой предложить новую концепцию происхождения и миграции древних мадьяр, ключевую роль в которой отводилось археологическим материалам. Группу мадьяр - переселенцев в Поволжье, по мнению Е.А. Халиковой, репрезентировал Больше-Тиганский могильник, а также часть погребений Танкеевского могильника, отражающего инфильтрацию пришлых мадьяр (связанных по происхождению с кушнаренковской и караякуповской культурами) в среду волжских булгар и местного прикамского населения. В первой пол. ІХ в. Больше-Тиганский могильник прекращает свое существование, а дальнейший путь мадьяр на запад фиксируется погребениями из Воробьевки и Новониколаевки, а также, возможно, Крылосскими погребениями (Халикова 1976б), т. е. здесь исследователь следовала в русле взглядов Н. Феттиха и с оглядкой на маршрут переселения мадьяр по Венгерскому Анониму. Одновременно вышла и версия этой статьи на венгерском языке (*Halikova* 1976).

Концепция Е.А. Халиковой вызвала противоречивую реакцию у венгерских исследователей (к тому моменту имевших разнообразные собственные представления о происхождении и миграции мадьяр) и встретила резкую критику

со стороны В.Ф. Генинга (Генинг 1977). Смысл последней, впрочем, сводился к процедурным моментам, так как увлекшийся в то время теоретическими вопросами археологии, В.Ф. Генинг усмотрел в аргументации Е.А. Халиковой методологические недостатки и даже ошибки, главной из которых исследователь видел отсутствие керамики кушнаренковского типа в материалах венгров Карпатской котловины Х в. (Gening 1978). Не изменяя своему подходу, Е.А. Халикова, тем не менее, ответила в дискуссии на фактические замечания В.Ф. Генинга (Халикова 1978).

Параллельно в 1977 г. в Будапеште вышла публикация Танкеевского могильника Е.А. Халиковой и Е.П. Казакова, в которой выделялся мадьярский этнический компонент среди волжско-булгарского населения, оставившего данный могильник (Khalikova, Kazakov 1977). А в 1981 г. в Будапеште была издана и монография Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова «Древняя Венгрия на Каме и Урале», вводившая в научный оборот материалы БольшеТиганского могильника (Chalikova, Chalikov 1981).

Эти материалы были в полной мере учтены в новой монографии о миграции древних мадьяр И. Фодором (Fodor 1982), высказавшим мнение, что население, оставившее Больше-Тиганский могильник, относилось к группе древних венгров, не принявшей участия в миграции на запад. Само переселение исследователь относил к нач. VIII в., не уточняя детальнее характеристики материальной культуры этого раннего периода. В вопросе археологической культуры мадьяр Северного Причерноморья книга также не продвинулась далее историографии 30-х гг. XX в. и дополненного каталога И. Эрдейи. Сам И.Эрдейи попытался внести некоторое разнообразие в данный вопрос, локализировав «страну Дентумогер» Анонима в Подонье, правда, в археологическом плане опираясь только на Воробьевское погребение и недатированный комплекс костяных украшений из Буйловки, а относительно области Этелькез выссказал предположение, что венгерские погребения сходны по обряду с печенежскими и поэтому могут скрываться среди т. н. «печенежских» ($\partial p \partial e \pi u \ 1984$).

В 1987 г. вышел обобщающий том «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» из серии «Археология СССР», в котором присутствовала глава «Венгры в Восточной Европе», написанная В.В. Седовым ($Ce\partial os\ 1987$). Представив историографический обзор проблемы, В.В. Седов попыталася учесть в изложении одновременно концепции Е.А. Халиковой, И. Эрдейи, А.П. Москаленко, М.И. Артамонова и Н. Феттиха. Процессы происхождения и переселения мадьяр к Волге изложены В.В. Седовым в русле взглядов Е.А. Халиковой, затем отражен сюжет о мадьярах Подонья в русле концепции И. Эрдейи (в частности, упомянуты как венгерские комплексы из Воробьевки и Буйловки), а их контакты со славянами представлены по А.П. Москаленко. Дальнейшее переселение исследователь представлял себе двумя путями: через степь, где отметил погребение из Новониколаевки, и через лесостепь - к Карпатским перевалам, отражением чего считал Крылосские погребения. Впрочем, В.В. Седов отметил предварительный рабочий статус этой гипотезы, которая может быть измененной по мере накопления новых материалов.

Но появление новых данных, способных существенно повлиять на действующие концепции, происходило крайне медленно. Опираясь на находки в кремационных погребениях салтовского Сухогомольшанского могильника коньковых шумящих подвесок, В.К. Михеев предположил финно-угорскую этническую принадлежность данного населения (Михеев 1982), связав всю группу кремационных могильников Подонья с «белыми уграми» русской летописи (Михеев 1985, с. 23).

В 1983 г. Л.Л. Галкин опубликовал погребение у с. Луговское на левобережье Нижней Волги, отметив параллели инвентарю в Больше-Тиганском могильнике (Galkin 1983). Чуть раньше Е.П. Казаков отнес к группе погребений, близких Больше-Тиганскому могильнику, Немчанские погребения и «погребение со 116 км» из Самарского Поволжья (Казаков 1981, с. 128), опубликованных Г.И. Матвеевой как раннеболгарские

(Матвеева 1976; 1977). Сама Г.И. Матвеева позже согласилась с возможностью подобной интерпретации (Матвеева, Богачев 2000, с. 156, 171).

Продолживший исследования Больше-Тиганского могильника А.Х. Халиков в 1980-1981 гг. обнаружил погрепоздней части некрополя, частности, п. 65, датированное дирхемом 900 г. чеканки. Это заставило исследователя несколько скорректировать концепцию Е.А. Халиковой, предположив, что именно группа мадьяр, продолжавшая существование Больше-Тиганского могильника и после сер. ІХ в., маркировала ту самую Magna Hungaria на р. Этиль, которую в 1236 г. обнаружил монах Юлиан (*Халиков 1984*). Территорию же «Древней Венгрии» А.Х. Халиков локализовал по-прежнему от Камы до Башкирского Приуралья ($Chalikov\ 1986$).

В 1986 г. Л.Н. Чурилова опубликовала разрушенное погребение из Манвеловки на Левобережье Днепра, ключевым элементом для древнемадьярской интерпретации которого послужила серебряная погребальная лицевая маска (Чурилова *1986*). А в 1988 г. появилась публикация материалов могильника из трех погребений у с. Субботцы (в бассейне Ингула), датированного Х в. и интерпретированного С.А. Плетневой как принадлежащего группе мадьяр, не ушедших в Венгрию (Бокий, Плетнева 1988). В венгерской версии статьи выводы были несколько смягчены, не исключалась и датировка концом IX в., а могильник был признан «вторым достоверно венгерским памятником» региона после Крылосского (Bokij, Pletnyova 1989).

В обзорной монографии о кочевнических культурах Восточной Европы 2-й пол. І тыс. н. э. Ч. Балинт уделил внимание и вопросу культуры мадьяр к востоку от Карпат (Balint 1989). Отметив схожесть материальной культуры Танкеевского могильника с культурой венгров X в., он, тем менее, акцентировал внимание на её неидентичности. Исследователь обратил внимание и на альтернативное мнение об этносе кушнаренковских памятников Башкирии, озвученное Н.А. Мажитовым. Последний считал комплексы, содержа-

щие аналогии венгерским изделиям Х в. из Карпатской котловины, синхронными им, а культуру курганов IX-X вв. связывал с протобашкирскими племенами (Мажитов 1981). В то же время, Ч. Балинт отметил, что Н.А. Мажитов не объяснил само присутствие находок венгерского облика в погребениях башкир. Отдельное внимание Ч. Балинт уделил проблеме салтовской культуры и её восточной границы. В частности, Воробьевское погребение исследователь признал обычным салтовским, ничем не выделяющимся из среды этой культуры, но, в то же время, отметил, что ориентировка грунтовых погребений салтовской культуры «степного локального варианта» (головой на запад) отличается от ориентировки степных погребений VI-VII вв., что указывает на приток новой группы населения, а не механическое включение булгар в среду салтовцев, как это постулировалось в советской историграфии. В заключение, Ч. Балинт рассмотрел материалы Субботцевского могильника. Сравнивая металлические изделия с венгерскими Х в., он посчитал стиль поясных наборов чуждым венгерскому искусству и характерным для салтовцев IX в., на основании чего отвел наиболее важную роль поиску синхронных археологических памятников в регионе к западу от Дона и южнее Киева (Balint 1989, s. 136-142).

Поднятая Н.А. Мажитовым проблема этнической принадлежности и датировки раннесредневековых памятников Башкирии (кушнаренковских и караякуповских) в конце 80-х – в нач. 90-х гг. вызвала оживленную дискуссию. Угорскую или уже – протомадьярскую – принадлежность этих памятников активно отстаивал В.А. Иванов (Иванов, Кригер 1987; Иванов 1988; 1993), которому не менее активно оппонировал Н.А. Мажитов (Мажитов 1987; 1988; 1993).

Более осторожно к этническим проблемам подходил Е.П. Казаков, рассматривая приуральское влияние среди населения Волжской Булгарии. Исследователь в целом соглашался с аргументами Е.А. Халиковой относительно угорской (древнемадьярской) принадлежности Больше-Тиганского могильника, но вы-

делял и поломско-ломоватовский элемент, связанный с местным населением Прикамья. В то же время, под влиянием И. Фодора, Е.П. Казаков предполагал и некий «южный» импульс, опираясь на наличие «влияния согдийских центров» на торевтику древних мадьяр, а также считая привнесенным, не характерным для приуральских угров, обряд расположения костей коня в могиле, который мог быть заимствован у булгар (Казаков 1992, с. 76-83).

Е.В. Круглов наоборот обратил внимание именно на способ расположение костей коня в могилах мадьяр (сложенная в ногах «шкура»), в поисках аналогий группе несколько разнородных впускных подкурганных погребений Поволжья «авиловского типа» VII–IX вв., осторожно отождествленных им с протовенграми в составе Хазарского каганата (Круглов 1990).

Проблеме поиска угорского компонента в салтовской культуре уделил внимание и И.А. Баранов, высказав гипотезу, что распространение среди салтовцев Крымского полуострова погребений в узких деревянных гробах и гробах-рамах было связано с инфильтрацией сюда угров в VIII в. В качестве параллелей в материальной культуре приводились также поясные детали «приуральского» или «неволинского» круга (Баранов 1990).

Новое разрушенное погребение из кургана у с. Твердохлебы, атрибутированное как древневенгерское, было опубликовано В.В. Приймаком и А.Б. Супруненко в 1994 г. (Приймак, Супруненко 1994) и переопубликовано с некоторыми дополнениями позже (Супруненко, Кулатова, Приймак 1999). Исследователи отметили его близость Субботцевскому могильнику, а также наличие предметов мадьярского облика в материалах роменского Новотроицкого городища. Наблюдения по Новотроицкому городищу В.В. Приймак развил далее в гипотезу о разгроме городища мадьярами и об угорском происхождении раскопанных на городище кремаций, которое исследователь сравнивал с салтовскими кремациями Подонья и поломско-ломоватовскими Прикамья, предполагая, что некая группа поломсколомоватовского населения взяла участие в миграции мадьяр на запад (*Приймак* 1997; 1998).

Наиболее подробно проблема пути мадьяр на запад по данным археологии была рассмотрена В.А. Ивановым. Вначале исследователь только обозначил часть вероятного пути мадьяр в Поволжье, опираясь на степные погребения из Немчанки, «116-го км» и Луговского, а также на погребение из Воробьевки, определив маршрут движения вдоль границ лесостепной зоны, с форсированием Волги в районе выше сближения Волги и Дона (Иванов 1995; 1996). А затем детальнее вопрос был рассмотрен в монографическом исследовании (Иванов 1999). Основная часть книги посвящена проблемам генезиса караякуповской и кушнаренковской культур, их проникновению в Поволжье и связям с соседними культурами, в частности, культурой Волжской Булгарии. Но отдельная глава 3 предлагает реконструкцию мадьярского пути на запад, где автор попытался продолжить отрезок пути далее Волги. Следует отметить, что археологическая составляющая гипотезы не отличалась кардинальным образом от предшественников. Наряду с погребениями из Воробьевки, Новониколаевки, Манвеловки, Твердохлебов и Субботцев, В.А. Иванов использовал также материалы трех подкурганных погребений из Заплавки и Сухогомольшанский могильник. Степные погребения Северного Причерноморья атрибутированы автором как караякуповские, а сюжет о салтовских кремационных погребениях и Воробьевке сведен к традиционным для венгерской историографии историческим размышлениям о местоположении границ «Леведии» по соседству с хазарами.

Работы В.А. Иванова вдохновили целый ряд самарских исследователей на «мадьярские» или «угорские» интерпрета ции погребений IX—X вв. региона: Палимовского (Перепелкин, Сташенков 1996), Лебяжинского (Сташенков, Турецкий 1999), От-Пандо-Нерь, Подгорское I (Лифанов, Седова 2003), а также, под знаком вопроса, Просвет I (Багаутдинов, Богачёв, Зубов 2006). Отметим сразу, что, хотя во всех работах и цитировалось мнение

В.А. Иванова о связи самарской группы «мадьярских» погребений с путем древних венгров на запад, ни один из исследователей не ограничивал датировку публикуемых комплексов первой третью ІХ в., более акцентируя на их связях с угорским этносом (даже несмотря на преобладание монголоидных черт в антропологическом типе некоторых погребенных (Лифанов, Седова 2003, с. 308; Багаутдинов, Богачёв, Зубов 2006, с. 402)).

Новые данные были учтены Е.П. Казаковым в статье, посвященной проблеме локализации мадьяр в IX в. (Казаков 2001). Исследователь вновь обратился к материалам погребений Самарского Поволжья и примыкающих к нему областей, умомянув Палимовское, Ромашкинское, Немчанское, «116 км», Луговское, а также добавив к списку к.1 Брусянского III могильника, локализировав Magna Hungaria в «степной части Урало-Поволжья». «Вторую остановку» мадьяр Е.П. Казаков локализировал в Подонье, ориентируясь на Воробьевское погребение. Именно здесь, по его мнению, располагалась Леведия, где в 60-е гг. IX в. был избран вождем Арпад. «Третью стоянку» мадьяр - Ателькузу (Этелькез) - исследователь располагал на Правобережье Днепра, маркируя регион погребениями из Субботцев, Манвеловки (на самом деле, расположенной на левом берегу Днепра), Новониколаевки.

В обзорной работе 1999 г. П.П. Толочко высказал мнение, что мадьярские памятники Северного Причерноморья трудно вычленимы по причине того, что их материальная культура, несмотря на ряд отличительных черт, имела салтовомаяцкий облик. Как пример мадьярских погребений исследователь привел Воробьевское, а также погребения из Твердохлебов и Антоновки (атрибутированное при публикации как раннепеченежское) (Толочко 1999, с. 25-33).

Ряд проблем, связанных с салтовскоугорскими контактами, рассматривались в работах В.С. Аксенова. Исследователь проанализировал находки шумящих коньковых подвесок в салтовских могильниках Подонья, констатировав факт их наличия в очень различных по обряду погребениях: катакомбных, ямных, кремационных, что не позволяет рассматривать их как этнических признак (Аксенов 1998). В то же время, таковым В.С. Аксенов счел вариант расположения костей коня в погребениях в ногах погребенного, выделив в Нетайловском могильнике «тюрко-угорское» население, связанное им с утигурами (в русле взглядов М.И. Артамонова об этносе огурских племен) ($A\kappa$ сенов 1997). Позже исследователь к угорским элементам отнес также сооружение ниш-подбоев в головах или ногах, отмечая, что появление угорских элементов обряда объясняется длительными межэтническими контактами, начинающимися с гуннского времени (Аксенов, Тортика 2001, с. 202-203). Вслед за В.С. Аксеновым, тюрко-угорским признаком считает расположение конечностей и черепа коня в ногах погребенного и В.А. Сарапулкин (Сарапулкин 2006, с. 203-204).

Проблема хазарско-мадьярских отношений в сер. IX в. была частично затронута и нами. Анализируя датировку и расположение погребения из Чистяково, нами было высказано предположение о том, что появление салтовских комплексов сер. IX в. в степи могло быть связанным с присоединением к мадьярам хазарского племени кабар; также с событиями восстания кабар против хазар могло быть связанным и прекращение функционирования в сер. IX в. салтовских кремационных могильников в Подонье (Комар 1999, с. 168). К культуре же самих древних мадьяр Этелькеза нами был отнесен ещё один комплекс разрушенного подкурганного погребения из Бабичей (Комар 1999, c. 120).

В 2001 г. вышла полная публикация разрушенного в 1989 г. богатого погребения у с. Коробчино в Поднепровье (Приходнюк, Чурилова 2001), предварительная информация о котором была оперативно опубликована Л.В. Чуриловой еще в 1990 г. (Чурилова 1990), но в силу тезисного характера не использовалась исследователями в полной мере. Параллельно комплекс из Коробчино, вместе с находками из Воробьевки, Волосского, Манвеловки, Субботцев, был выделен О.М. Приходнюком в качестве археологических

следов пребывания древних венгров на территории Украины (Приходнюк 2000, *с. 211-213*). Эти же материалы детально рассматривались в обобщающей монографии О.М. Приходнюка, где мадьярскому вопросу был выделен отдельный подраздел (Приходнюк 2001, с. 101-106). Исследователь выделял два этапа древневенгерских древностей в Северном Причерноморье: конец VII - VIII и IX-X вв. К раннему пласту он относил погребения из Тепсеня и Бабичей (пытаясь соотнести с последним комплексом и находку пальчатой фибулы), а также набор прессованных бляшек из Хвойкинской коллекции с Пастырского городища. К следующему горизонту погребений О.М. Приходнюк относил комплексы из Манвеловки, Субботцев, Коробчино, Крылоса. Несмотря на широкую датировку этой группы IX-X вв., исследователь считал, что она оставлена именно венграми, ушедшими в конце IX в. в Карпатскую котловину.

Р.С. Орлов в обзорном разделе коллективной монографии исходил из положения о том, что мадьяры выделились в IX в. из среды Волжской Булгарии, переселившись в Северное Причерноморье в нач. IX в. Примером мадьярских памятников Леведии и Этелькеза исследователь называл погребения из Субботцев, Манвеловки, Твердохлебов, Коробчино, Крылоса, полагая, что уже в конце IX в. эта группа в Северном Причерноморье сменяется печенежскими погребениями (Орлов 2001, с. 1004-1007).

Иначе представляла историческую ситуацию С.А. Плетнева, также уделившая внимание древним мадьярам в своей обобщающей монографии (Плетнева 2003, с. 103-113). Анализируя дискуссию относительно происхождения и этнической принадлежности культур, предшествовавших мадьярам в Приуралье, С.А. Плетнева считала сложным разобраться в её деталях, поскольку сравнение ни в одном из случаев не проводилось комплексно, а лишь по отдельным элементам материальной культуры. Эталонные могильники Венгрии Х в. позволяют заключить, что их погребальный обряд был близок т. н. «зливкинскому», но в погребениях отмечены и специфические детали — расположение костей коня в сложенном состоянии в ногах погребенного, наличие лицевых покрытий. Этот комплекс признаков, по мнению С.А. Плетневой, наблюдается и в Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, но сходство их вещевого комплекса с могильниками венгров эпохи завоевания, скорее, указывает на их синхронность (впрочем, оба могильника датированы исследовательницей IX в.). Случившееся «перенаселение» Волго-Камья заставило часть мадьяр покинуть этот регион и перейти к кочеванию в более южных районах, соседящих с Хазарией.

С.А. Плетнева видела взаимоотношения с хазарами напряженными, допуская, что поселение на Правобережном Цимлянском городище было разгромлено именно мадьярами. Чтобы откупиться от них, мадьярам Леведии и были предоставлены просторы Северного Причерноморья. Отдельно рассмотрены материалы, отождествляемые с мадьярами Этелькеза. Так, в датировке Субботцевского могильника С.А. Плетнева осталась на прежних позициях, датируя погребения на основании бордюра поясных деталей, стремян и высокогорлого кувшина Х в. Серединой Х в. на основании пояса, близкому поясу из саркельского клада, был датирован и Крылосский могильник. Лишь для Манвеловского погребения С.А. Плетнева допускала датировку IX в. Группа мадьяр, оставившая Субботцевский и Крылосский могильники, по мнению исследовательницы, осталась в Северном Причерноморье в X в. по соглашению с печенегами.

В работах украинских археологов Закарпатья ключевой обсуждаемой проблемой по-прежнему остается проблема времени и путей проникновения мадьяр в Закарпатье, которая в основном решается в русле очерченного Анонимом Белы пути мимо Киева через Карпаты, не менее традиционно маркируемого погребениями X в. из Крылоса и Судовой Вишни (Пеняк С., Пеняк П. 1998; Балагурі 2000; Котигорошко 2003; Прохненко 2005 и др.). Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что наряду с абстрактным движением основной массы мадьяр северным «лесным» путем через Карпатские перевалы,

исследователи вынуждены параллельно говорить о существовании отдельного степного образования «мадьяр Этелькеза», с которыми и были связаны основные исторические события IX в. Подунавья при участии мадьяр (Прохненко 2005).

Анализируя современное состояние проблемы поиска археологических памятников мадьяр Этелькеза в венгерской и восточноевропейской историографии, Ковач выделил группы «приемлемых», «хронологически сомнительных» и «неприемлемых» комплексов, которые соотносятся с древними венграми, отметив, что и 5-6 «приемлемых» памятников могут попасть в другие группы в силу отсутствия пока контраргументов. Сомнения венгерских исследователей касаются многих комплексов, в частности, Л. Ковач приводит мнения о датировке Субботцевкого могильника 2-й пол. IX в., а Манвеловского погребения – даже ранее - VII-VIII вв.; к X в. относит погребения из Крылоса, Судовой Вишни и Перемышля, а погребения из Сухой Гомольши и Воробьевки не видит оснований выделять из основного массива салтовских, поскольку они не содержат ничего общего с венграми (Kovacs 2005, p. 352-354). Исследователь придерживается довольно популярной сейчас позиции поиска археологической культуры предков венгров, исходя из реконструированных признаков по материалам венгерских могильников Х в. Как пример приводится «обол мертвых», часто представленный арабскими дирхемами, – этот обряд, по мнению Л. Ковача, не мог возникнуть у венгров в Карпатской котловине, а следовательно, его нужно искать восточнее - если его прототипы обнаружатся, это и будут предки венгров. Аналогичная логика с могильниками, вмещающими погребения вооруженных всадников с характерными для Венгрии признаками обряда, которые обязательно должны быть обнаружены к западу от Дона в количестве, пропорциональном времени проживания в Этелькезе.

Как и многие венгерские историки, Л. Ковач не может смириться с крайней немногочисленностью археологических памятников Этелькеза, поскольку теоретические расчеты количества пришедших

в Венгрию мадьяр должны указывать как минимум на десятки тысяч мигрантов. Проблемы, следующие отсюда в выводах венгерского коллеги несомненно удивят отечественного исследователя: обсуждается вопрос хронологического отделения мадьярских погребений от печенежских из-за редкости погребений с монетами (а также на основании озвученного ещё Ч. Балинтом постулата, что печенежские погребения остаются фактически неизученными); утверждается, что в советский период археологические исследования в степной зоне были минимальны, тогда как после распада СССР число раскопок здесь выросло (!); и, пускай и в несколько иронической форме, говорится о «непроверяемой возможности, что все эти комплексы находок лежат спрятанными в запасниках региональных музеев». Но, к чести Л. Ковача, «теория заговора» вызывает у него все же некоторые сомнения, поскольку после распада СССР и появления «провенгерских исследователей», наблюдаются, тем не менее, только минимальные сдвиги в этой области (Kovacs 2005, p. 352-354).

В 2008 г. увидела свет обобщающая монография И. Эрдейи, представляющая каталог находок IX-X вв. «венгерского» стиля в Восточной Европе (Erdely 2008). Продолжая традиции Б. Пошты и Н. Феттиха, И. Эрдейи включил в каталог разновременные и разнокультурные комплексы из степи, Северного Кавказа, лесостепной и лесной зон Поволжья, Руси, больше акцентируя внимание не на этногенетических процессах и археологических культурных типах, а на стилистической трансформации предметов элитарной всаднической культуры, по мнению автора, формировавшейся в тесном контакте и под влиянием «восточных номадов», а не салтово-маяцкой культурно-исторической общности. последней И. Эрдейи связывает лишь группу венгерского населения, по его мнению, ещё в VIII в. поселившегося в бассейне р. Кубань вместе с булгарами. Исследователь отстаивает южный путь миграции мадьяр в Европу, подчеркивая поздний характер Magna Hungaria в Прикамье и сомневаясь в роли Башкирии как прародины мадьяр. Наличие же отдельных древнерусско-венгерских параллелей в погребальных памятниках Киева и Чернигова X в. И. Эрдейи объясняет не наследием Этелькеза и контактами русов с мадьярами IX в., а вероятным участием венгров в русской наемной дружине X в.

Его традиционный оппонент И. Фодор вновь скептически высказался о возможности расселения мадьяр на Северном Кавказе, отнеся следы возможных контактов аланского населения и древних венгров к эпизоду их совместного проживания в рамках салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата ($\Phi o \partial o p$ 2008). Исследователь по-прежнему связывает ранний этап истории мадьяр с «кушнаренковско-караякуповскими» памятниками Приуралья (не разделяя эти культуры ни типологически, ни хронологически), а языковые контакты мадьяр и волжских булгар датирует VI-VII вв. и соотносит с соседством древних мадьяр с булгарами – носителями шиловского и новинковского типов в Поволжье ($\Phi o \partial o p$ 2009). Это удревнение необходимо исследователю для аргументации ранней (не позже сер. VIII в.) датировки переселения мадьяр на территорию Хазарского каганата в Леведию. В обзорной популярной монографии И. Фодор вновь локализирует Леведию абстрактно в «бассейнах Дона и Донца», заполняя соответствующий раздел книги общей характеристикой памятников салтовской культурноисторической общности, тогда как раздел об Этелькезе – древнерусско-венгерскими параллелями X в. (Fodor 2009б). Впрочем, на примере сбруйных круглых бляшек с «перевязанным» бордюром исследователь аргументирует и возможность влияния художественного металла Венгрии на восточных соседей уже в Хв., путем его распространения торговыми путями (Fodor 2009a).

Суммируя выводы и мнения историографии последнего десятилетия, мы констатируем весьма пеструю картину представлений об истории и развитии материальной культуры древних мадьяр, а также об их взаимодействии с соседними народами. Такое разнообразие поддержи-

вается остро дискуссионным состоянием целого комплекса ключевых вопросов.

Прежде всего, это вопросы хронологии. Дисскусионны даты появления и исчезновения памятников мадьярского круга в Поволжье и Северном Причерноморье, а также их более узкая хронология. Вторая проблема касается поиска культурной монолитности и противостоящего ему мнения о культурном разнообразии памятников древних мадьяр региона, откуда следует важная проблема верификации каталога памятников древних мадьяр Северного Причерноморья и определения культурного типа интересующего нас круга памятников. Третья проблема, остающаяся актуальной уже более 70-ти лет, - это взаимоотношения культуры мадьяр и салтово-маяцкой культурноисторической общности (КИО). Следующая - это использование памятников мадьяр Этелькеза для уточнения исходного региона их миграции. Наконец, последняя серьезная проблема - это взаимоотношения признаков выделенных памятников мадьярского круга с культурой венгров Х в., вызывающее наибольший интерес у венгерских исследователей.

Решение данного комплекса вопросов традиционным экстенсивным путем следования давно протоптанными направлениями историографии XX в. несомненно потребовало бы весьма объемного критического текста. Другая возможность появилась после 2007-2008 гг.

В сезоне 2007 г. были исследованы три впускных погребения с материалами древневенгерского стиля в кургане у с. Дмитровка Полтавской обл. (Супруненко, Маєвська 2007; Супруненко 2007) и парное впускное погребение в кургане у с. Катериновка (Орджоникидзевский ГОК) Днепропетровской обл. (Полин, Черных, Дараган, Разумов 2008)¹¹. Параллельно появилась публикация кургана у г. Слободзея в Приднестровье, содержащего могильник с как минимум 14 датированными погребениями интересующего нас хронологического среза, но отнесенными авторами публикации к «булгарскому»

варианту салтовской культуры (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008).

А.Б. Супруненко в монографической публикации Дмитровских погребений представил в заключении обзор других древневенгерских находок Полтавщины, в частности, комплекса из Твердохлебов и находок из Шушваловки. По мнению исследователя, наиболее ранним из рассмотренных является погребение из Твердохлебов последней четверти IX в., погребения же из Дмитровки и бляшки из Шушваловки чуть позже - рубежа IX-X вв. Это позволило А.Б. Супруненко заключить, что венгерское население пребывало в бассейнах Сулы и Ворсклы как минимум до этого времени (Супруненко 2007, c. 79-86).

Нами проблема древних мадьяр в Восточной Европе рассматривалась в двух кратких обобщающих разделах (Комар 2008; Комар 2009) и докладе (Котаг 2009, р. 15-16), где археологические памятники IX в. в степях Северного Причерноморья выделялись в тип Субботцев и отождествлялись с древними мадьярами периода Этелькеза.

Таким образом, после открытия Субботцевского, Слободзейского и Дмитровского могильников, а также погребений из Катериновки, в нашем распоряжении появилась целая группа закрытых археологических комплексов древневенгерского культурного круга, которые впервые позволяют выйти на новый теоретический уровень осмысления древневенгерской проблемы в целом.

Призрак древних угров на юге Европы в V-VIII вв.

Огуры. Поиски протовенгров в восточноевропейской степи V–VIII в. к западу от Волги в венгерской историографии восходят ещё к «гуннской» версии происхождения Арпадов, озвученной в средневековых хрониках.

В советской историографии версия о проживании угров в степях имела своего союзника в виде одной из наиболее се-

¹¹ Полная публикация комплекса в настоящее время подготовлена к печати.

рьезных величин раннесредневековой номадистики сер. XX в. – М.И. Артамонова. Исследователь относил к таковым группу огурских племен V–VI вв., полагая, впрочем, что позже они были тюркизированы, и не смешивая их с собственно протовенграми (*Артамонов 2002, с. 88-91*).

Наличие (или даже доминирование!) «угорского» компонента в составе гуннов, булгар и других кочевников Восточной Европы после М.И. Артамонова безапелляционно постулировалась в целом ряде работ историков и археологов, хотя в основе столь определяющей гипотезы лежит всего лишь несложная догадка Д. Европеуса о том, что компонент «огуры» тождественен этнониму «угры». Вторым притягивающим всеобщее внимание фактом является упоминание «ПВЛ» о «белых уграх», воевавших при Ираклии с Хосровом, породившее немало отождествлений их с «сарагурами» и «белыми савартами». Сходство этнонимов «огуры (угуры) – угры» и «савиры – саварты» позволило А.Х. Халикову даже предположить, что «древневенгерский союз» начал оформляться уже во 2-й пол. VI в. под властью Тюркского каганата (Chalikov 1986, с. 212-213).

Проблема «угорской версии» состоит в том, что подобные восточноевропейские кочевнические этнонимы с окончанием на -г в тюркологии рассматриваются как признак принадлежности народов к древней западнотюркской языковой группе (т.н. «-r-группа»), современным представителем которой является чувашский язык. «Огур» $(o\gamma ur)$ – это форма мн. ч. от $o\gamma u\check{s}$ - «племя»; в z-группе языков это слово приобретает форму $o\gamma uz$ – «огуз», также весьма продуктивную в тюркской этнонимике (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001, с. 323). Все названия «огурских» племен достаточно уверенно этимологизируюся на западнотюркской основе: оногуры -«он-огур» - «десять племен»; сарагуры - «сар(а)-огур» - «светлые/желтые племена»; кутригуры - «курт-огур» - «племена [тотема] волка»; утигуры - «ут-огур» - «племена лошади» (или «огненные племена», если греческое *оvt* отражает общетюркское $\bar{o}t$).

Серьезные проблемы создает и происхождение самого этнонима «угры», поскольку данных о том, что его использовала как самоназвание какая-то из груп угров, в настоящее время нет. Вследствие этого исследователи до сих пор вынуждены всерьез рассматривать обратную версию о происхождении этнонима «угры/ унгры» от тюркского «оногур» (Rona-Tas 1997, р. 284; Напольских 2005; Зимони 2000, с. 17; Дьени 2005-2006, с. 81), правда, оставляя загадкой механизм подобного перенесения этнонима северокавказского племени конца V-VI вв. на мадьяр. Наиболее ранние византийская (Оυγγροι) и латинская (*Ungri*) формы названия мадьяр IX в. отражают западнославянское произношение восточнославянского Угры (ср. польское węgry). В древнерусском языке с XI в. известно также название «Югрия», близкое сохранившемуся в языке коми «йогра» (служившее названием для северных ханты и манси) (Напольских 2005, с. 241). Вероятно, именно контакты восточных славян с народами пермской языковой группы и объясняют, каким образом к мадьярам перешло это название.

За исключением компилятивных позднесредневековых хроник, письменные источники объективно не дают археологам никаких свидетельств о наличие некоего «угорского компонента» на юге Восточной Европы в V-VIII вв., заставляя вспомнить, наконец, что от многократного повторения предположение не становится фактом. Современная археология обладает довольно большим спектром методов, позволяющих судить о культурных, этнических, экономических, политических, религиозных связях различных групп населения. Именно археология постоянно накапливает новые данные, пересматривая или подтверждая прежние выводы, поэтому решение современных проблем вполне может обойтись без недоказуемых «исторических аксиом».

Проблема поиска археологических памятников собственно протомадьяр часто смешивается с проблемой выделения финно-пермско-угорских групп населения на юге Восточной Европы V–VIII вв., что является несомненной ошибкой.

Гипотетический облик погребального обряда протомадьяр (на основании признаков памятников Х в.) подразумевает простую форму могильной ямы, вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой, расположение в могиле (преимущественно слева в области ног) костей коня в виде черепа и нижней части конечностей. Выделение в качестве важного признака западной ориентировки автоматически отсекает из нашего анализа восточноевропейские кочевнические памятники 2-й пол. V - первой пол. VII в., в которых полностью доминировала меридиональная (северная) ориентировка (Комар 2004; 2006г; 2008а).

Меридиональная и широтная ориентировки отражают различные мировоззренческие принципы в системе расположения «земли мертвых», поэтому в археологии вопрос о родственности двух групп населения с различной ориентировкой должен всегда ставиться крайне осторожно. Между тем, именно в древнемадьярской проблематике наблюдается яркое смешение в историографии кушнаренковской (погребения преимущественно ориентированы в сектор СЗ-СВ) и караякуповской (погребения преимущественно ориентированы в сектор СЗ-ЮЗ) культур (Иванов *1999, с. 57-58*), у многих исследователей даже приобретающих гибридную форму - «кушнаренковско-караякуповские памятники».

В.А. Ивановым констатированы и ряд других отличий между этими культурными группами в погребальном обряде, касающиеся преобладания в первом случае подкурганных, во втором бескурганных погребений, расположения костей коня в первом случае в насыпи, а во втором — в насыпи и в могиле, наличие в караякуповских погребений следов деревянных гробов или настилов (Иванов 1999, с. 57-60). В раннекушнаренковских могильниках следует отметить также очень высокий процент ритуально разрушенных костяков (напр.: Такталачук, Иманлейский, Манякский).

Рассматривая возможность наличия «угорского компонента» в степи VI–VII вв., мы в первую очередь должны ориентироваться на кушнаренковский

культурный комплекс. Контакты кушнаренковцев с кочевниками хорошо иллюстрируются наличием костяных накладок лука «гунно-булгарского» типа в п. 115 и 175 могильника Такталачук (Казаков 1981, рис. 4). А вот следов обратного влияния (в виде керамики, украшений и т. п.) в степи пока не было выделено.

Осторожное тезисное предположение Е.В. Круглова об угорской принадлежности погребений «авиловского типа» (Круглов 1990) привлекло, пожалуй, гораздо больше внимания, чем эта гипотеза могла заслуживать. Подбойное погребение в колоде с северной ориентировкой из к.1 Авиловского (Синицын 1954) по обряду и способу расположения конечностей и черепа лошади на ступеньке подбоя полностью аналогично п.5 к.9 Бородаевки (Синицын 1947), этническую принадлежность которого весьма прозрачно определяет деформированный череп с монголоидными признаками. Состав инвентаря из этих двух погребений не менее яркий: деревянное седло, берестяной колчан, накладки сложносоставного лука «тюркохазарского» или просто «авиловского» типа, деревянное блюдо – все находит ближайшие аналогии в тюркских погребениях Алтая. В синхронном п. 2 Таганского могильника из лесостепного Подонья картина аналогична - сложенная в ногах шкура лошади сочетается с костяными обкладками луками и подпружной пряжкой, а также монголоидным расовым типом и кольцевой деформацией черепа (Матвеев, Цыбин 2004, с. 8). Более раннее п. 2 к. 66 Царева (2-й пол. VI в.) из Нижнего Поволжья, с аналогично расположенными костями лошади (Круглов 2005, рис. 4), принадлежало представителю монголоидно-европеоидного метисного типа (Балабанова 2005, с. 59, 65, 66). Данная группа погребений относится к кругу памятников типа Суханово, оставленных огурскими или булгарскими племенами Восточной Европы VI-VII вв. (Комар 2008).

«Авиловский» или «сухановский» обряд в комплексе абсолютно чужд для кушнаренковской культуры и в целом — для культур Южного Приуралья, но именно деталь, связанная со способом располо-

жения шкуры коня, в Поволжье хорошо известна в предшествующее время. В биритуальном II Коминтерновском могильнике именьковской культуры (VI в.), отражающем включение в именьковскую среду какой-то группы населения степного происхождения с гуннскими традициями, череп и фаланги коня укладывались в ногах, иногда со смещением влево или же над ногами погребенного (Казаков 1998, рис. 24; 31; 36; 37). Южнее, в степи, этот обряд зафиксирован в п. 2 к. 36 Покровска (конец V-1-я треть VI в.), а также, в наиболее близком к авиловскому виде, в гуннском п. 12 к. 3 Ленинска (1-я треть V в.) (Засецкая 1994, рис. 3: 1, 2), что указывает на определенное сохранение традиций гуннского времени в Поволжье.

Любопытно, что Е.П. Казаков, говоря об «угорских истоках» этого обряда в отношении II Коминтерновского могильника (*Казаков 1998, с. 101*), забывает о собственном наблюдении о месте расположения костей коня в приуральских памятниках, связываемых с уграми, а именно – в насыпи кургана (Казаков 1992, с. 76). В.А. Иванов также констатирует редкость искомого обряда, и в качестве примера расположения костей коня в могиле приводит п. 2 к. 2 Ямаши-Тау (1-я треть IX в.) и п. 1 к. 6 Лагеревского могильника (X в.) (*Иванов 1999*, с. 80), а Е.П.Казаков - п. 2 Чишминского могильника (сер. IX в.), отнесенного самим же автором к единому культурному типу с Больше-Тиганским могильником, и Мрясимовские курганы (Х-ХІ вв.) (Казаков 1992, с. 76). Для агументации же «угорских истоков» обряда нужны аналогии более ранние, чем гуннское п. 12 к. 3 Ленинска, т.е. памятники III-IV вв.!

Как видим, при проверке оснований версии об угорском происхождении обряда сложенной в погребении в ногах погребенного шкуры лошади мы постоянно встречаемся с нарушением принципа диахронности, распутывая же системы ссылок, неизменно обнаруживаем, что главным доказательством этого положения является бытование обряда у венгров Карпатской котловины X в. Парадокс привлечения последних состоит в том, что наряду с обрядом расположения сложенной

шкуры коня слева от ног, у венгров X в. бытовал и характерный для тюркских народов обряд растянутой шкуры или чучела (Балинт 1972, с. 180), что указывает на несомненное заимствование тюркских традиций.

Потерпев неудачу в поиске среди кочевников восточноевропейских степей VI–VII в. угров кушнаренковской традиции, мы вряд ли смутим сторонников версии о ранней дате миграции мадьяр, ведь последних следует искать в группе погребений с западной ориентировкой.

Наиболее ранним кочевническим погребением с ориентировкой на запад, пожалуй, является подбойное погребение с разрозненным неполным скелетом коня на перекрытии входной ямы из к. 1 Восточно-Малайского II могильника в Прикубанье (Лимберис 1987). Довольно архаичный набор геральдических деталей из комплекса позволяет датировать его концом VI – первой третью VII в. Похожее впускное подбойное погребение с целым скелетом коня из к. 5 Виноградного (Орлов, Рассамакин 1996) датируется 2-й пол. VII в. В последней четверти VII в. совершено впускное погребение в простой яме без костей коня из Уч-Тепе (Иессен 1965). Учитывая доминирование в это время в степных погребениях ориентировки в сектор СВ-ЮВ, т.е. в сторону восхода солнца (Комар, Кубышев, Орлов 2006, с. 360-363), упомянутые погребения выглядят выплеском традиций восточных групп населения, что подтверждается и находками «восточного» облика в этих комплексах (ламеллярный доспех, бляшка с согдийской (?) надписью, сассанидский перстень).

Следующий по времени эпизод связан с п. 3 к. 5 Заплавки нач. VIII в., совершенном в широкой яме и гробовище из коры, перекрытом сверху по диагонали шкурой коня (Ковалёва, Марина, Ромашко 1981, с. 161-162; Шалобудов 1983). Погребение датировано В.А. Ивановым на основании восьмеркообразных стремян ІХ в. (Иванов 1999, с. 101-102), но подобная датировка оправдывается разве что неточным рисунком стремени из предварительной публикации (Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака 1983, рис. 2: 22). Первона-

чально комплекс был соотнесен нами с горизонтом Галиат-Геленовка (Комар 1999, с. 121), основываваясь на схематичности декора бляшек и аналогии мечу в кат. 52 Дмитровки. Позже его позиция была пересмотрена, и в модифицированной схеме п. 3 к. 5 Заплавки заняло уверенное место в периоде IVб или фазе 2 горизонта Шиловки первой четверти VIII в. (Комар 2006а, с. 104, 110-111, 115-118). Единственный тип предметов из п. 3 к. 5 Заплавки, имеющий аналогии в интересующем нас пласте «древнемадьярских» комплексов, – это круглые уплощенные бляшки, близкие которым (но крупнее и объемнее) найдены в погребении из Бабичей (рис. 2: 5). Схожесть здесь совершенно случайная, поскольку небольшая серия близких бляшек есть в ранненовинковских погребениях горизонта Вознесенки (Багаутдинов, Богачёв, Зубов 1998, табл. VII: 9, 10; LXX: 3), причем в п. 1 к. 2 Березовского I могильника, вместе с обломком двулезвийного меча (Скарбовенко, Сташенков 2000, puc. 5: 14-16). Наиболее же близкие заплавским круглые бляшки найдены в кат. 29 аланского могильника Клин-Яр (Флеров 2000, рис. 39: 16-18).

Два других погребения могильника Заплавки, отнесенные В.А. Ивановым к «мадьярским» (Иванов 1999, с. 99), с п. 3 к. 5 единого хронологического горизонта не составляют. Погребение 2 к. 3 Заплавки датирует грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью (Ковалёва, Марина, Ромашко 1981, рис. 4:11) типа I по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов 1966, с. 69), характерный для древнерусских и кочевнических комплексов XI-XII вв., а обряд погребения ничем не выделяется из группы печенежскополовецких. Полуразрушенное п. 4 к. 4 (Ковалёва, Марина, Ромашко 1981, рис. 4:11) оснований для узкой датировки не имеет, но расположение справа от погребенного фаланг лошади характерно для периода X-XII вв.; раньше в Восточноевропейской степи такой обряд не известен.

По способу расположения шкуры коня п. 3 к. Заплавки аналогично п. 5 к. 4 Крупского (Атавин 1996, табл. 1) и близко п. 11 к. 1 Ковалёвки (Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978), отличаясь, скорее,

не от группы погребений типа Сивашовки, а от ожидаемого «протомадьярского» стандарта. Западная же ориентировка погребения связана либо с той же этнической группой внутри группы рядового населения перещепинской культуры, что и п. 3 к.5 Виноградного, либо же маркирует начальный этап проникновения носителей типа Соколовской балки.

Население, оставившее курганы «с квадратными ровиками» типа Соколовской балки, в которых доминирует западная ориентировка погребенных, занимает степи Восточной Европы в VIII в., а к нач. ІХ в. их подкурганные погребения по каким-то причинам исчезают. Параллельно в сер. VIII в. в Крыму и Подонье возникают грунтовые могильники салтовской культурно-исторической общности (КИО) с западной ориентировкой костяков.

Салтовская КИО. Данные Константина Багрянородного о соседстве и союзе древних мадьяр с хазарами автоматически приковывают внимание археологов, исследующих предысторию венгров, к памятникам салтовской КИО.

К моменту написания классической монографии С.А. Плетневой 1967 г. (Плетнева 1967) салтововедение стояло перед важной задачей аналитического осмысления признаков и причин сходства рассредоточенных на огромной площади от Подонья до Крыма, Северного Кавказа и Среднего Поволжья, разнородных по погребальному обряду и традициям строительства, антропологическому типу населения, археологических памятников, которые, тем не менее, связывали между собой традиции гончарства, оформления украшений пояса и убора, предметы туалета, вооружения и снаряжения коня. Естественный вывод о их принадлежности политическому объединению со сложной этнической структурой, каким действительно был Хазарский каганат, ставил, в то же время, вопрос о её составе и об этнической интерпретации конкретных археологических памятников.

Отталкиваясь от предложенного И.И. Ляпушкиным разделения степных и лесостепных памятников Подонья между

аланами и булгарами (Ляпушкин 1958б), С.А. Плетнева на более масштабном материале создала общую схему этнической идентификации этноса салтовских памятников, выражавшуюся простой формулой: лесостепная зона + катакомбные погребения + долихокранный антропологический тип = аланы; степная зона + ямные погребения + брахикранный антропологический тип = «болгары» (булгары); смешение этих признаков на одном памятнике = «алано-болгары». Небольшую к тому времени группу трупосожжений Подонья С.А. Плетнева сравнила с кремациями хакасов, а также более ранними комплексами из Вознесенки и Новогригорьевки, выссказав мнение об их принадлежности группе тюркского населения, связанного с хазарскими гарнизонами.

За последующие 40 лет исследований салтовских памятников наши представления об этом явлении серьезным образом расширились, заставив говорить уже не о «культуре», а о «культурно-исторической общности». Но и на современном уровне знаний у нас все так же нет оснований пересматривать тезисы М.И. Артамонова и С.А. Плетневой в отношении «угорских» проблем салтовских памятников.

Н. Феттих справедливо выделил в качестве салтовских аналогий венгерским украшениям Х в. пряжку из Воробьевки, а также отдельные бляшки узды из кат. III и п. 3 кат. X Верхнего Салтова из раскопок В.А. Бабенко 1911 г. (Fettich 1937, taf. XVI: 7, 10, 11). К этому же кругу принадлежал наконечник пояса из кат. 43 раскопок А.М. Покровского (Покровский 1905, табл. XXI: 55). Но оптимизм венгерских ученых, ожидавших увидеть новые подобные находки в салтовских погребениях, так и не оправдался со временем - многие сотни раскопанных погребений лишь более ярко подчеркнули уникальность таких предметов для салтовского ареала. Только в 1985 г. в кат. 40 Верхнего Салтова вновь были найдены две прессованные копии бляшек с «мифологическим» сюжетом стиля Субботцев (Аксенов 2001), напомним, по мнению Ч. Балинта, чуждого венгерскому искусству Х в. (Balint 1989, s. 142).

Не обнаруживают с последним никаких параллелей и основные стили салтовской торевтики VIII-IX вв. (Фонякова 1986), что, впрочем, является лишь вершиной айберга. Из основных категорий материальной культуры салтовской КИО, в той или иной степени полно отраженных во всех регионах влияния Хазарского каганата VIII-X вв., - украшения пояса и оружия, женские украшения (серьги, браслеты, перстни) и предметы туалета (бусы, амулеты, зеркала и копоушки), снаряжение коня (удила, стремена, украшения сбруи), вооружение (сабли, топоры, наконечники стрел и копий, доспех), гончарная посуда, орудия труда (топоры, серпы, косы, наральники) – в культуре венгров Карпатской котловины Х в. очевидное продолжение находят исключительно предметы вооружения. Весьма странная картина для концепции «салтовской Леведии» VIII-IX вв., подразумевающей полную потерю мадьярами любых отличительных культурных маркеров под влиянием салтовской КИО!

Обратное влияние пока также узко локально. Четыре комплекса с отдельными предметами древнемадьярского стиля происходят из крупнейшего салтовского пункта Подонья - Верхнего Салтова (аланский катакомбный могильник), но таких находок нет в других салтовских могильниках региона. Погребение из Воробьевки в Верхнем Подонье отстоит от Верхнего Салтова на сотни километров и пока также не образует даже минимальной группы. Ещё одна случайная находка бляшки происходит с городища Маяки в Степном Подонцовье (Шамрай, Духин 1997, табл. LIX). Эти факты несомненно свидетельствуют об очень кратковременном и слабом контакте салтовского населения Подонья с носителями древнемадьярского культурного комплекса.

Единственным признаком, позволяющим вычленить мадьярские погребения Леведии из числа салтовских «зливкинского» круга, И. Эрдейи счел положение черепа и конечностей ног лошади в сложенном состоянии у ног погребенного (Erdelyi 1977). Е.П. Казаков в качестве собственно мадьярского обряда выделил только продольное расположение чере-

па коня, обращенного в сторону головы погребенного, тогда как поперечное расположение черепа счел характерным для волжских булгар или смешанного «тюрко-угорского» населения (Казаков 1984). Открытие подкурганного погребения 1-й пол. VIII в. в Кабиюке (Болгария), сопровождавшегося сложенной у ног шкурой лошади с поперечным расположением черепа коня (Рашев 2007, рис. 10), подтвердило характерность именно данной версии обряда для булгарского населения VIII-IX в. Но, в то же время, наличие обряда расположения шкуры коня с обращением черепа носовыми костями к голове погребенного у кочевников Восточной Европы V-VII вв. с несомненными монголоидными антропологическими признаками (см. выше), заставляет, видимо, предположить не «угорские», а «огурские» истоки этой традиции, заимствованной мадьярами в процессе контактов с булгарскими племенами Поволжья.

Соответствующую модели «Леведии» картину смешения предметов «древневенгерского» и салтовского стилей в настоящее время мы наблюдаем только в одном могильнике - Больше-Тиганском, расположенном не в Подонье, а в Нижнем Прикамье (Chalikova, Chalikov 1981). Все погребения могильника с салтовскими предметами мужские (пп. 3, 6, 13, 14, 22-24, 28), обязательно сопровождающиеся предметами вооружения, а сами изделия салтовского круга представлены поясами, саблями и стременами, что действительно соответствует модели кратковременного военного союза. Если в информации Константина Багрянородного о Леведии действительно заложено рациональное Больше-Тиганский зерно, могильник служит веским аргументом локализации данной страны к востоку от Волги.

Модель «салтовской Леведии» заводит нас в откровенный тупик: если памятники типа Больше-Тиганского могильника оставлены мадьярами в процессе миграции, каким образом «полностью потерявшие культурную специфику под давлением салтовской КИО» мадьяры Леведии все же принесли в Карпатскую котловину отдельные приуральские элементы культуры круга Больших Тиган?

И как, в таком случае, объяснить наличие в Северном Причерноморье практически «рафинированных» приуральских комплексов круга Субботцев, содержащих наиболее близкие аналогии Больше-Тиганскому могильнику?

Памятники типа Субботцев

исследования. История Первый комплекс рассматриваемого круга был обнаружен в 1899 г. в кургане у с. Бабичи Черкасского уезда Киевской губ. (совр. Каневский р-н Черкасской обл.). Каталог выставки Киевского Археологического съезда содержал лишь краткое описание предметов из кургана (Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве *1899, с. 81*), сбруйный набор из которой был опубликован лишь значительно позже в составе каталога «антских древностей» Г.Ф. Корзухиной, с добавлением пальчатой фибулы из соседнего городища (Корзухина 1996, с. 358, табл. 3) (рис. 2). Обстоятельств находки не указывалось, по всей видимости, вещи происходили из разрушенного крестьянами кургана в ходе хозяйственной деятельности или же при самовольных раскопках.

Следующая по времени находка 1902 г. у с. Новониколаевка Екатеринославской губ. (совр. Верхнеднепровский р-н Днепропетровской обл.) происходила из разрушенного курганного погребения на берегу Днепра (Ханенко Б., Ханенко В. 1902, с. 23, табл. XIX, N_0 640-828). Комплекс из около 200 серебряных предметов поступил в коллекцию Ханенко и был издан вместе с ещё одним комплексом неизвестного происхождения из 16 бронзовых золоченных предметов сбруйного или поясного набора (Ханенко Б., Ханенко В. 1902, с. 39, табл. XIX, № 486-495) (рис. 3).

В 1949 г. на берегу Днепра в с. Волосское (Днепропетровский р-н и обл.) было разрушено бескурганное погребение с западной ориентировкой, сопровождавшееся «железным кинжалом» и поясным набором из медных бляшек, покрытых золотым листом, а также двумя «золотыми кольцами с несомкнутыми концами» (серьги). Из комплекса в 1950 г. А.В. Бо-

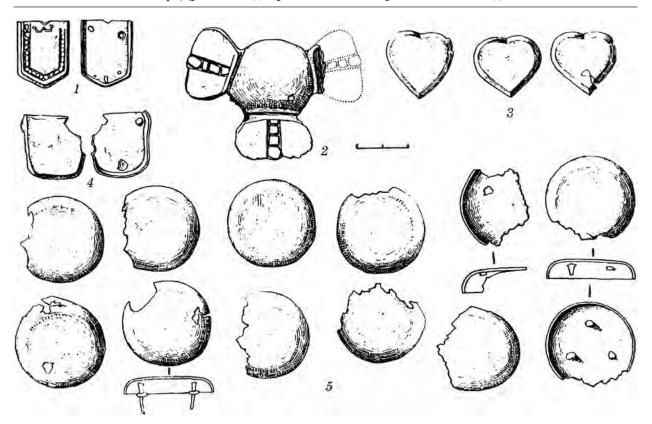

Рис. 2. Комплекс из Бабичей.

дянскому передали костяные обкладки колчана и поясную бляшку, опубликованные И. Эрдейи (*Erdelyi 1961*, *kep. 6*; 2008, s. 65, *kep. 36*) (рис. 4).

В 1951 г. у с. Усть-Каменка (Апостоловский р-н Днепропетровской обл.) в к. 2 Е.В. Махно исследовано впускное погребение с костяными обкладками лука и колчана, которое стало первым раскопанным археологом комплексом круга Субботцев (Махно 1960, с. 25-26). Позже, после публикации материалов могильника у г. Слободзея, стало понятным происхождение ещё одного впускного погребения 4 к.1 Усть-Каменки, сопровождавшегося раннегончарным славянским горшком (Махно 1960, с. 17, рис. 4: 7).

В 70-х гг. число памятников пополнилось разрушенным погребением из с. Манвеловки (Васильковский р-н Днепропетровской обл.), изданным Л.Н. Чуриловой (Чурилова 1986) (рис. 5), а также разрушенным при строительстве дороги впускным погребением у г. Нововоронцовка (Кубышев и др., 1979), из которого в школьный музей поступили бронзовое

стремя и две золоченные бронзовые поясные бляшки.

В 80-х гг. добавились разрушенные погребения из кургана у с. Твердохлебы (Кобелякский р-н Полтавской обл) (Приймак, Супруненко 1994; Супруненко, Кулатова, Приймак 1999) и Коробчино (Криничанский р-н Днепропетровской обл.) (Чурилова, 1990; Приходнюк, Чурилова 2001) (рис. 7), а также Субботцевский могильник.

В 1983 г. у с. Субботцы (Знаменский р-н Кировоградской обл.) было разрушено бескурганное захоронение, материалы из которого поступили в музей Кировоградского педагогического института. В 1985-1986 гг. на месте находки Н.М. Бокий были заложены раскопы, благодаря которым удалось исследовать ещё два погребения, изданных исследователем в соавторстве с С.А. Плетневой (Бокий, Плетнева 1988; Bokij, Pletnyova 1989) (рис. 6).

Ю.А. Пуголовок атрибутировал как древневенгерские обнаруженные случайно детали ордынского пояса XIV–XV вв. из окрестностей с. Шушваловки на Полтавщине (Пуголовок, 2003), но позже, в

Рис. 3. Погребение из Ново-Николаевки (1-9) и беспаспортный комплекс из коллекции Б. Ханенко (10-12).

2006 г. из того же пункта им были опубликованы еще две «древневенгерские» бляшки, одна из которых вновь оказалась ордынской, а вторая действительно относилась к изделиям венгерского круга

IX–X вв. (Пуголовок 2006, рис. 1: 1). И. Фодор справедливо обратил внимание на тот факт, что в комплексах круга Субботцев и Больше-Тиганском могильнике таких находок пока не отмечено, а это должно сви-

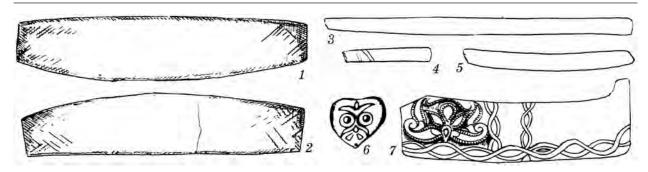

Рис. 4. Комплекс из Волосского.

детельствовать о появлении данного типа бляшек в X в. (Fodor 2009a, s. 310), что не позволяет пока добавить Шушваловку к пунктам случайных находок круга Субботцев.

Исследованный в 1994 г. на Левобережье Днестра курган у г. Слободзея (Приднестровская республика, Молдова) был монографически издан в 2008 г. (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008). Также монографически опубликован и небольшой могильник в кургане у с. Дмитровка, исследованный в 2007 г. (Кременчугский р-н Полтавской обл) (Супруненко, Маєвська 2007; Супруненко 2007).

В 2007 г. открыто парное впускное погребение в кургане у с. Катериновка (Никопольский р-н Днепропетровской обл.) (Полин, Черных, Дараган, Разумов 2008) (рис. 8), а в 2008 г. ещё одно погребение было разрушено при строительстве в г. Кривой Рог (Днепропетровская обл.), из которого в краеведческий музей поступила бронзовая позолоченная бляшка¹².

Несмотря на то, что количество пунктов с разрушенными погребениями все ещё превышает таковые, исследованные археологами, баланс количества раскопанных погребений за последние десятилетия заметно ушел в позитив (табл. 1).

Кажется несколько парадоксальным, но при огромных объемах раскопок курганов в советское время в рамках программ мелиорации степи, их результаты в плане поиска погребений древних венгров действительно не могут сравниться с несколькими последними годами. Причина лежит совершенно не в количестве

Таблица 1 Погребения Субботцевского типа

***************************************	0.000.000.000.000.000.000
разрушенные	археологические
погребения	раскопки
1899 – Бабичи;	
1902 – Новониколаевка;	
1949 - Волосское;	
	1951 – Усть-Каменка (2);
1973 – Манвеловка;	
1978 – Нововоронцовка;	
1983 – Субботцы, п.1;	
1985 – Твердохлебы;	1985 – Субботцы, п.2;
	1986 – Субботцы, п.3;
1989 – Коробчино;	
	1994 – Слободзея (боль-
	ше 14);
	2007 – Дмитровка (3);
	2007 – Катериновка (2).
2008 – Кривой Рог.	
всего: 9	всего: 23

работ, и, тем более, не в «идеологических запретах», а в отмеченной В.А. Ивановым закономерности тяготения погребений древних мадьяр к наиболее влажной северной подзоне степи или границе лесостепи и степи (Иванов 1999, с. 102-103), где в силу вполне естественных причин (ниже потребность в мелиоративных системах) интенсивность археологических исследований была и остается довольно невысокой (рис. 9).

За редким исключением, памятники круга Субботцев введены в научный оборот и давно привлекают внимание исследователей древневенгерской проблематики. После же рубежа 2007-2008 гг. из разряда единичных и преимущественно случайных находок памятники круга Субботцев автоматически переходят в

¹² Выражаем признательность за информацию А.А. Мельнику.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
C70507007 7 10	+-		C3			-	_	_	-	_			_	14	10	10	+
Слободзея, п.18	X		3	X	X	X	X	X	X	X	Х	Х	X				M
Твердохлебы	X		3	X	X	X	X										M
Усть-Каменка, к.2, п.2	X		C3	X		X								X			M
Слободзея, п.36	X			X	X												К
Слободзея, п.37	X		C3	X				X	X		X		X	X			ж
Новониколаевка	X		?	?	X		X	X									M
Нововоронцовка к.1 п.23	X		?	?	Х		X										м?
Бабичи	X		?	?	Х												?
Слободзея, п.16	X		3		X	X				Х	Х	Х	Х				Д
Слободзея, п.10	X		?		x?				X								К
Дмитровка, к.1 п.2	X		C3			X	X	Х		Х	X		X	X		X	м/д
Катериновка к.32 п.1-1	X		C3			Х	X		х		х		Х				M
Катериновка к.32 п.2-2	х		C3			х	X		х					Х			M
Дмитровка, к.1 п.14	X		СЗ			Х	х			X	х		х	х			м/д
Слободзея, п.24	x		3			х	X										M
Слободзея, п.29	x		C3			x?		х									ж
Слободзея, п.17	x		C3					х			х	х					м?
Слободзея, п.23	x		СЗ					х			х			x?			ж
Слободзея, п.30	x		СЗ					х			х		х		Х		д
Слободзея, п.35	x		СЗ					х			х				х		д
Слободзея, п.27	x		3					х									м?
Дмитровка, к.1 п.15	х		СЗ					х									д
Усть-Каменка, к.1, п.4	х		3						х								д
Субботцы, п.2		Х	3	Х	х	х	Х	х	х	х	х	х					М
Коробчино		Х	?	Х	х	х		х	х							Х	М
Манвеловка		Х	3?	Х	x?	х			x		х					Х	М
Субботцы, п.3		Х	СЗ	Х	х			х		х					Х		м/д
Субботцы, п.1		Х	?	?	х			х									ж
Слободзея, п.38		х	СЗ	х		х		х	х				х		Х		м?
Волосское		X	3?			х	х	х			х						м
Слободзея, п.40		X	СЗ			X		X	х			х	х		X		м
Кривой Рог		X	?				х										м?
тривои гог		X					X										IVI \$

1 — курганное погребение; 2 — бескурганное погребение; 3 — ориентировка погребения; 4 — кости коня; 5 — детали снаряжения коня; 6 — предметы вооружения; 7 — детали пояса; 8 — личные украшения; 9 — сосуд; 10 — жертвенная пища; 11 — нож; 12 — кресало; 13 — сведенные ноги; 14 — органическая подстилка; 15 — астрагалы; 16 — лицевое покрытие; 17 — половозрастная принадлежность: м — мужское, ж — женское, д — детское, к — кенотаф.

разряд малочисленных, но весьма выразительных археологических памятников, нуждающихся в четкой культурной атрибуции.

Погребальный обряд. Группа памятников Субботцевского типа представлена единичными и парными (Катериновка) погребениями, а также небольшими могильниками, насчитывающими 2 (Усть-Каменка), 3 (Субботцы, Дмитровка) или больше погребений (Слободзея). Точное количество погребений Субботцевского типа в Слободзее определить затруднительно из-за наличия безинвентарных могил. Авторы раскопок определяют чис-

ло раннесредневековых погребений здесь как 26 (*Щербакова*, *Тащи*, *Тельнов 2008*, *с. 53*), тогда как инвентарь, позволяющий уверенно или с долей допуска отнести комплекс к горизонту Субботцев, присутствует только в 14 погребениях (№№ 10, 16-18, 23, 24, 27, 29, 30, 35-38, 40), которые мы и будем использовать ниже в характеристике группы (табл. 2).

Погребения разделяются на впускные подкурганные и бескурганные. За счет Слободзейского могильника в группе полностью доминируют подкурганные погребения, но пример самого могильника из Слободзеи, два погребения которого (№№ 38, 40) располагались на небольшом отда-

Рис. 5. Комплекс из Манвеловки. Масштаб различный.

Рис. 6. Украшения из Субботцевского могильника: 1-3, 5, 9 – п.1; 4, 6-8, 10-13 – п.2.

Рис. 7. Комплекс из Коробчино. Масштаб различный.

Рис. 8. Детали ремней из п. 1 к. 32 Катериновки.

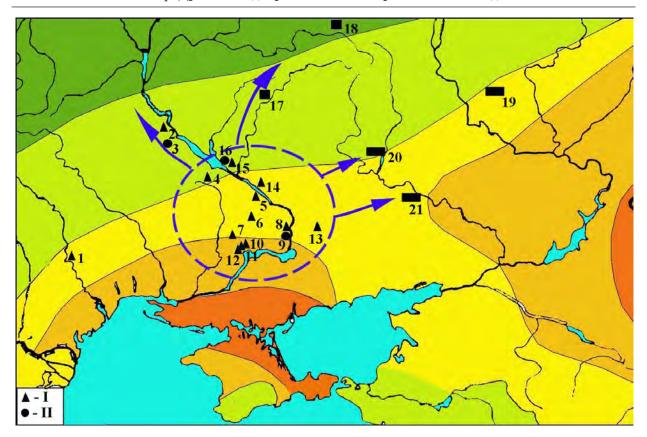

Рис. 9. Памятники типа Субботцев: I — погребения; II — случайные находки круга. 1 — Слободзея; 2 — Бабичи; 3 — Пастырское; 4 — Субботцы; 5 — Новониколаевка; 6 — Коробчино; 7 — Кривой Рог; 8 — Волосское; 9 — Скеля; 10 — Катериновка; 11 — Усть-Каменка; 12 — Нововоронцовка; 13 — Манвеловка; 14 — Твердохлебы; 15 — Дмитровка; 16 — Шушваловка; 17 — Новотроицкое; 18 — Кудеярова Гора; 19 — Воробьевка; 20 — Верхний Салтов; 21 — Маяки.

лении от кургана, ясно свидетельствует о параллельности подкурганного и бескурганного обрядов у рассматриваемой группы населения.

Для подкурганного захоронения выбирался обычно относительно небольшой и невысокий курган. В Слободзее все раннесредневековые погребения занимали юго-западную половину кургана (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008, рис. 3); аналогичная картина отмечена и в Дмитровке (Супруненко 2007, рис. 4), и в случае с п. 4 к. 1 Усть-Каменки (Махно 1960, рис. 2). В СВ секторе совершено п. 1 к. 32 Катериновки (Орджоникидзе); п. 23 к. 1 Нововоронцовки находилось в ЮВ секторе. В центре насыпи располагались только погребения из Твердохлебов, п. 2 к. 2 Усть-Каменки и п. 17 Слободзеи. Таким образом, большинство погребений впускались в периферийную часть кургана, а в случае с п. 1 к. 32 Катериновки, п. 4 к. 1 Усть-Каменки и п. 23 к. 1 Нововоронцовки следует дополнительно отметить расположение могилы в насыпи кургана выше уровня древнего горизонта, что соответствует модели опасения потревожить захоронения «хозяев кургана». В маленьких и, по всей видимости, семейных могильниках из Субботцев и Дмитровки наблюдается расположение могил в линию; в Слободзее, наоборот, уверенной рядности не прослеживается.

Форма могильной ямы всегда простая — подпрямоугольная со скругленными углами (рис. 10). Ориентировка погребённых стабильная — в СЗ секторе. Собственно на запад ориентированы только 9 из 25 погребений, преобладает же ориентировка на СЗ. Положение тела всегда на спине в вытянутом состоянии; руки преимущественно вытянуты вдоль тела, реже — сложены на тазе. В Слободзее преобладают сдвиг тела под левую стенку и поворот головы вправо. В Субботцах, наоборот, тело смещено от центра вправо, а поворот головы — влево; в Дмитровке представлены

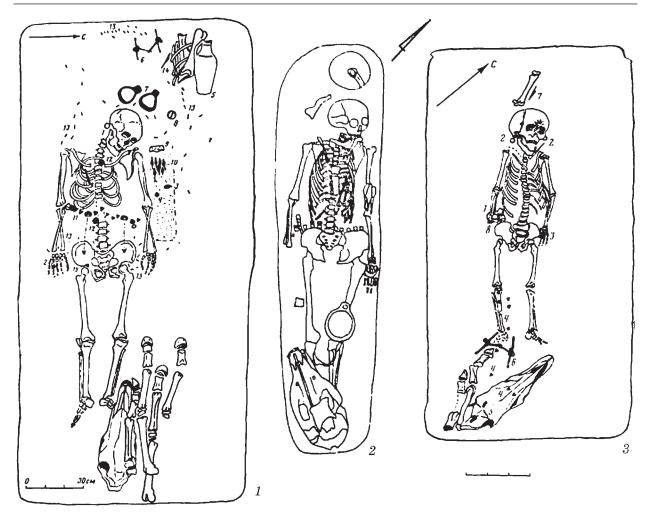

Рис. 10. Погребения с конем: $1-\pi$. 2 Субботцев; $2-\pi$. 3 Субботцев; $3-\pi$. 18 Слободзеи.

оба варианта. Вероятно, сторона, с которой опускалось тело в яму, не играла особой роли в погребальном обряде.

В пп. 1-2 Катериновки и п. 2 к. 2 Усть-Каменки под скелетами сохранились остатки дерева, причем в первом случае речь, скорее всего, шла об окрашенном в зеленый цвет кузове повозки, использованном в качестве погребального ложа. В п. 2 к. 2 Усть-Каменки тело перекрывалось растительным тленом; подобный тлен прослежен и под телом в п. 37 Слободзеи. В п. 2 к. 1 Дмитровки остатки растительной циновки выявлены под головой погребенного, где они перекрывали мясную пищу; а в п. 14 того же кургана такую же роль играло кожаное покрытие. В п. 23 Слободзеи под костяком зафиксирована угольная и «меловая» подсыпки, хотя в качестве последней иногда принимаются остатки органического тлена. В 9-ти случаях у погребенных сведены ноги, что может быть следствием завертывания тела в саван.

Половина инвентарных погребений сопровождалась костями лошади или деталями снаряжения коня, причем процент таких погребений гораздо выше в группе бескурганных. Впрочем, среди подкурганных погребений без лошади (или её заменителя в виде деталей снаряжения коня) из 11 погребений с определимыми половозрастными характеристиками 8 принадлежали женщинам и детям. Во всех случаях в погребении кости коня представлены черепом и конечностями, сложенными у ног погребенного; череп лошади обращен носовыми костями в сторону головы (рис. 10). Исключение п. 36 Слободзеи, где отсутствовали кости человека, а, следовательно, комплекс был интерпретирован как кенотаф. В этом

комплексе череп и конечности коня растянуты по дну ямы в тюркской традиции, сочетаясь с салтовскими стременами. В то же время, интерпретация комплекса именно как «кенотафа» представляется не безусловной, учитывая, что в угорских кушнаренковской и караякуповской культурах Приуралья практиковалось отдельное захоронение черепа или шкуры лошади в насыпи кургана (Иванов 1999, с. 60-61).

Остатки мясной жертвенной пищи (кости барана, быка, коня) зафиксированы в 6 случаях. В двух погребениях из Дмитровки (пп. 2, 14) такая пища располагалась под головой погребенного, накрытая «подушкой»; в п. 2 Субботцев – в левом углу могилы; в п. 16 Слободзеи – слева от плеча; в п. 18 Слободзеи – справа от головы; а в п. 3 Субботцев – за головой. С обрядом снабжения покойного напутственной пищей связано и помещение в могилы сосуда (11 погребений). В 4 случаях (Коробчино, п. 2 Субботцев, п. 18 Слободзеи, п. 1 к. 32 Катериновки) сосуд представлен гончарным кувшином; в 2 - серебряной посудой: кувшином (Манвеловка), чашей и блюдом (Коробчино); в остальных находились раннегончарные и лепные горшки. Место сосуда в погребении обычно слева от головы погребенного; в парном п. 1 к. 32 Катериновки кувшин поместили между головами двух погребенных; в п. 4 к. 1 Усть-Каменки горшок расположили выше над телом (на перекрытии-?) над головой погребенного, а в п. 38 Слободзеи - справа над грудной клеткой.

«Полезные» бытовые предметы представлены ножом (13) и кресалом с кремнями (5). Более распространены «статусные» предметы: пояс и предметы вооружения (сабля, лук, наконечники стрел), личные украшения. Браслеты, серьги, перстни отмечены как в женских, так и мужских комплексах, но, очевидно, специфическим мужским маркером выступали серьги в виде несомкнутых колечек (рис. 12:5,6), тогда как в достоверно женских погребениях серьги представлены вариантами с овальной дужкой и длинной подвеской (рис. 12: 1-4). Также женским признаком выступает ожерелье. В детских п. 3 Субботцев, пп. 30, 35 Слободзеи отмечены астрагалы, но они также присутствовали и в погребениях взрослых пп. 38, 40 из той же Слободзеи.

В трех погребениях из Коробчино, Манвеловки и п. 2 к. 1 Дмитровки обнаружены детали погребальных лицевых покрытий. Все три разного типа: в Манвеловке - серебряная маска с вырезами для глаз, носа и рта (рис. 5: 2); в Коробчино - сплошная золотая пластина по форме лица; в Дмитровке – четыре золотые пластинки, нашитые на шелковую ткань лицевого покрытия в области глаз, носа и рта. Учитывая, что зафиксированный в Дмитровке обряд сочетается с поздней хронологической позицией всего комплекса, можно допустить эволюцию лицевых покрытий от маски с прорезями до нашивок. С.А. Плетнева и Н.М. Бокий выделяли и в п. 2 Субботцев обшитое бляшками большое тканевое покрытие, закрывавшее всю верхнюю половину тела, но расположение бляшек (Бокий, Плетнева 1988, рис. 2: 13) (рис. 10: 1), а также остатки кожаных ремешков на шпеньках, указывают на их принадлежность уздечным украшениям (cp.: *Мажитов 1981*, puc. 15: 12, 13).

Простая могильная яма и вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой для раннего средневековья – один из самых распространенных обрядов. Более показательно расположение в могиле костей коня в виде сложенных у ног нижней части конечностей и черепа, обращенного носовыми костями в сторону головы погребенного, являющееся особенностью могил венгров X в. Карпатской котловины (Балинт 1972), а также памятников типа Больше-Тиганского и Танкеевского могильников в Прикамье (Казаков 1984). Второй важный элемент - погребальное лицевое покрытие, объединяющее памятники Субботцевского типа, с одной стороны, с лицевыми масками Танкеевского могильника (Халикова 1972) и, с другой стороны, с нашивками для глаз и рта погребального покрытия венгров X в. ($\Phi o \partial o p 1972$).

Единственный важный признак, отличающий памятники типа Субботцев от погребений венгров Карпатской котловины, — это преобладание подкурганных

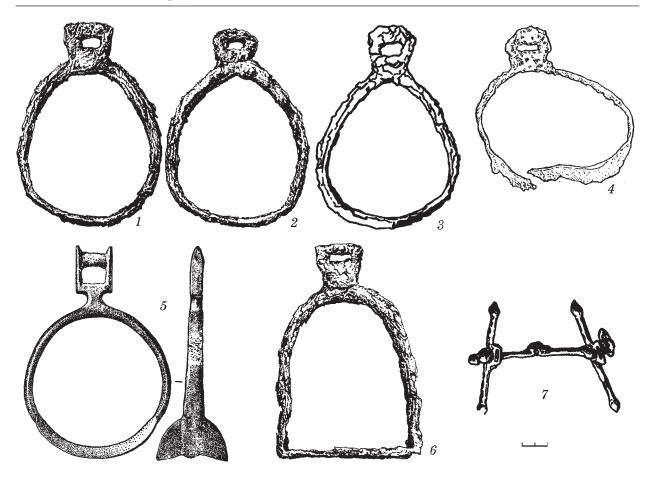

Рис. 11. Детали снаряжения коня: 1, $2-\pi$. 18 Слободзеи; $3-\pi$. 2 Субботцев; 4- Коробчино; 5- Нововоронцовка; $6-\pi$.36 Слободзеи; $7-\pi$. 3 Субботцев.

захоронений, характерное для угорских памятников кушнаренковской и караякуповской культур Приуралья (Иванов 1999, с. 57-60).

Культурная специфика вещевого комплекса. Уже в первых публикациях памятников типа Субботцев исследователи акцентировали внимание на аналогии вещевого комплекса в Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, а также караякуповских комплексах Башкирии (Чурилова 1986; Бокий, Плетнева 1988). В.А. Иванов уверенно отнес к караякуповским немногочисленную группу погребений в районе левобережья Среднего Поволжья и Больше-Тиганский могильник, а также отметил караякуповские черты в северопричерноморских комплексах круга Субботцев (Иванов 1999, с. 93-103).

К западу от Волги пока не зафиксированы находки характерной лепной посуды караякуповского типа. В погребениях

Субботцевского типа нет и разнообразных ярких подвесок и литых украшений приуральского круга, как и финноугорского круга в целом. Единственная прямая параллель с караякуповскими древностями касается снаряжения коня: стремена из п. 2 Субботцев, п. 18 Слободзеи, Нововоронцовки, Коробчино (рис. 11: 1-5) и украшения сбруи из п. 1-2 Субботцев, Бабичей и беспаспортного комплекса из коллецкции Ханенко (рис. 2; 3: 10-12; 6: 1-6) не имеют салтовских аналогий и несомненно принесены новой группой населения, как минимум соседствующего с караякуповским населением Приуралья (ср.: Мажитов 1981, рис. 13: 12; 15: 1-13; 20: 7, 9: 22; 24: 5; 27: 21; 29: 5; 32: 2; 34: 36; 38: 5; 43: 15; 45: 5; 46: 14; 57: 21; 58: 5, 9, 33, 36, 37; 60: 12-14; 64: 1-6).

Второй, хотя и менее явной параллелью, является снаряжение лучника. В комплексах Субботцевского типа редки концевые накладки сложного лука (п. 2

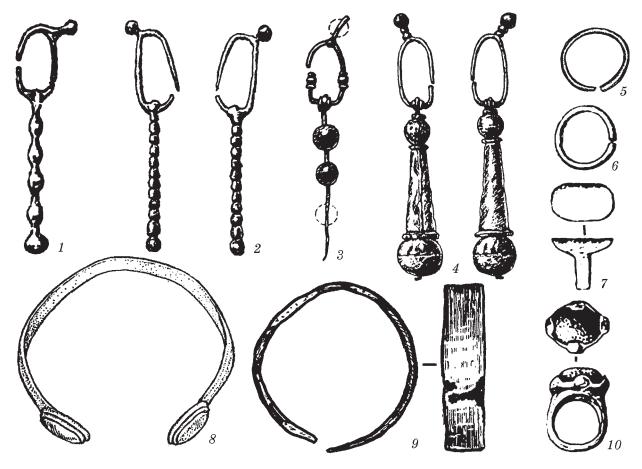

Рис. 12. Личные украшения: 1 – п. 1 Субботцев; 2 – п. 23 Слободзеи; 4 – п. 29 Слободзеи; 5 – п. 37 Слободзеи; 5, 9 – п. 2 к. 1 Дмитровки; 6, 10 – п. 2 Субботцев; 7 – п. 3 Субботцев.

к. 2 Усть-Каменки), зато отмечены серединные (Волосское, п. 18, 40 Слободзеи, п.1/1 и 1/2 Катериновки) (рис. 4: 1-2), что характерно и для погребений Приуралья (Иванов 1987, с. 178). В колчанных наборах нет салтовских трехлопастных наконечников, которые заменяют плоские ромбовидные и ланцетовидные. А в Волосском, п. 2 к. 2 Усть-Каменки и п. 2 Субботцев колчан украшали костяные пластины (рис. 4: 7), аналогии которым известны у волжских булгар (Генинг, Халиков 1964, табл. XIII: 15, 17, 19-20) и в Приуралье (Мажитов 1981, рис. 13: 19).

Список приуральских аналогий расширяют новые находки в могильнике Уелги в Южном Приуралье, в частности, именно здесь обнаружены сбруйные и поясные детали с «узелковым» бордюром, а также поясные детали «мифологического» стиля (рис. 6: 10-13; 8: 5-7) круга Субботцев (см. статью С.Г. Боталова в настоящем сборнике).

Более полный набор аналогий вещевому комплексу памятников Субботцевского типа наблюдаем, впрочем, западнее, в прикамском Больше-Тиганском могильнике: поясные наборы с «узелковым» бордюром и декором в виде трехлистника или на «мифологическую» тему; приуральские бляшки-«лунницы» и сердцевидные; мужские серьги-колечки и женские серьги с длинной литой подвеской, имитирущей многобусинную; плоские пластинчатые браслеты; серединные накладки лука без концевых; плоские ромбические и ланцетовидные наконечники стрел; нашивки лицевого покрытия (Chalikova, Chalikov 1981, taf. IV: 13-15; V; VII; X-XIII; XVI; XVIII–XX; XXIII; XXIVa; XXVI; XXVIII; XXXI-XXXIV). Но культурный комплекс Больше-Тиганского могильника сложнее - наряду с караякуповской лепной посудой, здесь присутствуют также местные лепные прикамские сосуды и гончарные кувшины волжских булгар;

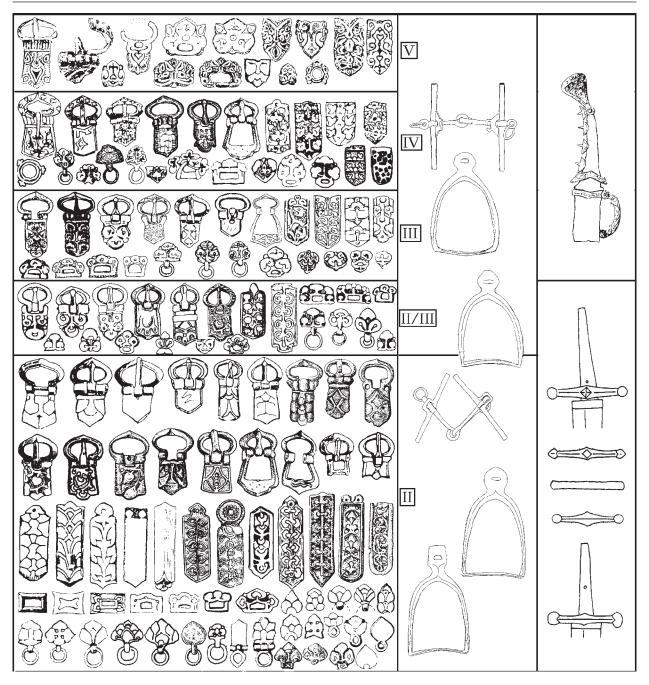

Рис. 13. Хронологическая схема салтовской КИО.

прикамское влияние хорошо заметно и в женских украшениях, а в вооружении, снаряжении коня и украшениях пояса выделяется и группа предметов салтовского круга.

В погребениях типа Субботцев собственно прикамское влияние можно предполагать пока лишь по лицевой маске из Манвеловки, связывающей данное население с Танкеевским могильником. Иная ситуация с признаками контактов с волжскими булгарами. Гончарный со-

суд из п. 18 Слободзеи (горлышко отбито в древности), несмотря на салтовскую сероглиняную технологию изготовления, по форме близок к типу IIВв сосудов Танкеевского могильника, по Е.П. Казакову (Казаков 1992, рис. 45), а кувшин желтокрасного обжига из Коробчино (рис. 7: 4) принадлежит к группе I (Казаков 1992, рис. 44). Как уже указывалось нами ранее, к волжско-булгарским изделиям, судя по орнаментации, могут принадлежать и «салтовские» кувшины из Софи-

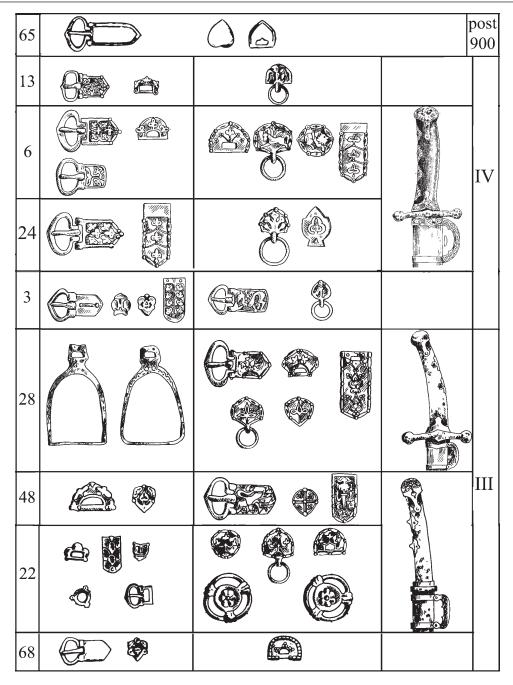

Рис. 14. Хронологическая схема Больше-Тиганского могильника.

евки и Большой Кохновки (Комар 2004, с. 91; Комар 2009, с. 127). В п. 1 к. 32 Катериновки от сероглиняного гончарного кувшина сохранилась только придонная часть, но грубость исполнения также заставляет усомниться в его изготовлении салтовскими гончарами.

Количество предметов собственно салтовского круга в погребениях Субботцевского типа относительно невелико. Это перстень из п. 2 Субботцев (рис. 12: 10), женские серьги из пп. 29 и 37 Слободзеи

(рис. 12: 3-4), браслеты из п. 1 Субботцев и п. 37 Слободзеи, серебряная чаша из Коробчино (рис. 7: 1), шлем из Манвеловки (рис. 5: 1) и стремена из п. 36 Слободзеи (рис. 11: 6). В синтезном «салтовсковенгерском» стиле выполнен пояс из Новониколаевки (рис. 3: 8-9). Тюркское влияние представлено серебряным кувшином из Манвеловки (рис. 5: 4), а контакты со Средней Азией — серебряным блюдом из Коробчино (рис. 7: 3). Наконец, торговлю с Крымом или приазовскими

городскими центрами отражает высокогорлый кувшин из п. 2 Субботцев.

Другой вектор связей маркируют п. 4 к. 1 Усть-Каменки и пп. 10, 37, 40 Слободзеи, в которых обнаружены раннегончарные и лепные сосуды славянской культуры Луки-Райковецкой. В кладе из кв. III., роменского Новотроицкого городища в качестве ювелирного лома присутствовали серьги с длинной литой «многобусинной» подвеской, а также бляшки-«тройнички», а в слое городища найдена сердцевидная бляшка (Ляпушкин 1958а, рис. 15: 3; 17: 4). Клад из поясных деталей, аналогичных поясу из п. 2 к. 1 Дмитровки, найден и на роменском городище Кудеярова Гора (Енуков 2005, рис. 55; Шпилев 2010, puc. 8: 14-17). В то же время, факт глубокого проникновения носителей типа Субботцев в лесостепь маркирует погребение из Бабичей в Поросье.

Целая серия элементов памятников типа Субботцев находит продолжение в культуре венгров Карпатской котловины X в.: «узелковый» бордюр и «трилистник» сбруйных и поясных бляшек (рис. 3: 3-9; 6: 10-13; 8: 5-8); декор обкладок сабли из Коробчино (рис. 7: 2) и костяной накладки колчана из Волосского (рис. 4: 7); надчеканка фона «кружочками» золотых бляшек из п. 2 Субботцев; бляшки-«лунницы» (рис. 6: 4-6); серьги с длинной литой «многобусинной» подвеской (рис. 12: 1-2) и мужские серьги-колечки (рис. 12: 5-6); пластинчатые браслеты с каплевидными расширениями на концах (рис. 12: 8); нашивки лицевого покрытия; стремена (рис. 11: 1-4) и др. (The ancient Hungarians 1996, p. 154, fig. 6; p. 185, fig. 5; p. 186, fig. 1; p. 215, fig. 2; p. 217, fig. 2, 3; p. 221, fig. 3; p. 225, fig. 1; p. 268; fig. 26; p. 322, fig. 1, 2; p. 347, fig. 4; p. 350, fig. 2, 3; p. 353, fig. 1; p. 356, fig. 1; p. 375, fig. 1; p. 393, fig. 4).

Процес генезиса памятников Субботцевского типа представляется в общих чертах следующим:

1) группа кочевого угорского населения, родственного караякуповцам Приуралья, переселилась к границам Волжской Булгарии, где познакомилась с гончарной посудой булгар, но не с традициями её производства;

- 2) на следующем этапе переселения данная группа заняла северную подзону степей Северного Причерноморья, где на короткий промежуток времени попала под влияние салтовской КИО в части престижных предметов и вооружения, при ограниченном поступлении салтовской гончарной посуды;
- 3) установление контактов со славянами способствовало поступлению гончарных славянских сосудов к носителям типа Субботцев на Правобережье Днепра, тогда как на Днепровском Левобережье наблюдалось Субботцевское влияние на северян в области женских украшений и пояса;
- 4) перенесение части Субботцевского культурного комплекса в Карпатскую котловину.

Хронология данных изменений в настоящий момент только в процессе разработки из-за ограниченности комплексов с абсолютными реперами. Монеты с предметами круга Субботцев сочетаются лишь в кладе из Новотроицкого городища, младшая из них чеканена в 818/819 г. Но в горелом жилище № 1 Новотроицкого найден пробитый для ношения дирхем 833 г. чеканки, тогда как сам эпизод разгрома городища относится лишь к последней трети IX в. (Ляпушкин 1958а, с. 28, 52, 180-192; Комар, Сухобоков 2004, *с.* 166-169), когда, по всей видимости, был сокрыт и клад на городище Кудеярова Гора.

Возможность оценить позиции комплексов типа Субботцев в системе салтовской хронологии (рис. 13) дают салтовские комплексы из Воробьевки (рис. 1), кат. III и п. 3 кат. X Верхнего Салтова (раскопки В.А. Бабенко 1911 г.), а также кат. 43 Верхнего Салтова из раскопок А.М. Покровского, все – принадлежащие к салтовскому горизонту III. Сочетание салтовских и субботцевских элементов в Больше-Тиганском могильнике демонстрирует более широкую картину бытования поясных наборов стиля Субботцев на салтовских этапах III и IV сер. IX – нач. X в. (рис. 14), что не противоречит ни «северянскому» terminus post quem в виде монеты 833 г., ни привязке верхней даты находок круга Субботцев на северянских городищах к событиям 80-х гг. IX в. Особенно показателен факт синхронности появления предметов древневенгерского круга в Северном Причерноморье и Больших Тиганах, что не позволяет рассматривать собственно Больше-Тиганский могильник как «промежуточное звено» между субботцевскими и караякуповскими памятниками.

Происхождение и особенности культурных контактов носителей памятников типа Субботцев с окружающими народами идеально совпадают с письменными свидетельствами об этапах переселения мадьяр, тогда как хронология комплексов соответствует периоду пребывания мадьяр в Северном Причерноморье (836-895 гг.). Эти факты позволяют уверенно выделить в качестве археологической культуры древних венгров Этелькеза памятники Субботцевского типа, связав дальнейшие перспективы исследования проблемы именно с изучением памятников данного культурного круга.

Айбабин 1982

Айбабин А.И. Погребения конца VII— первой половины VIII в. в Крыму / А.И. Айбабин // Древности эпохи великого переселения народов. — Москва, 1982.

Аксенов 1997

Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника / В.С. Аксенов // Вісник Харківського державного університету. — Харків, $1997.- \ensuremath{\mathbb{N}} 396.$

Аксенов 1998

Аксенов В.С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине / В.С. Аксенов // Finno-Ugrica. – Казань, $1998. - \mathbb{N}1.$

Аксенов 2001

Аксенов В.С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В.С. Аксенов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т.2.

Аксёнов, Тортика 2001

Аксёнов В.С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII—X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / Аксёнов В.С., Тортика А.А. // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2001. — Т.2.

Артамонов 1935

Артамонов М.И. Рец.: Zakharow A., Arendt W. Studia Levedica: archaeologischer Beitrag zur

Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Budapest, 1934 / М.И. Артамонов // Проблемы истории докапиталистических обществ. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. — Вып. 9-10.

Артамонов 2002

Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Санкт-Петербург, 2002.

Атавин 1996

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья / А.Г. Атавин // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996.

Афанасьев, Рунич 2001

Афанасьев Г.Е. Мокрая Балка / Г.Е. Афанасьев, А.П. Рунич. – Москва, 2001. – Вып.1.

Багаутдинов, Богачёв, Зубов 2006

Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I / Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. // Вопросы археологии Поволжья. — Самара, 2005. — Вып.4.

Балабанова 2005

Балабанова М.А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V - 1-я пол. IX в.) / М.А. Балабанова // Степи Европы в эпоху средневековья. - Донецк: Изд-во Дон. ГУ, 2005. - Т. 4.

Балагурі 2000

Балагурі Е.А. Старожитності Верхнього Потисся періоду «віднайдення угорцями Батьківщини» (нові аспекти і концепції) / Е.А. Балагурі // Давня і середньовічна історія України (на пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя). — Кам'янець-Подільський, 2000. — С. 219-221.

Балинт 1972

Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. / Ч. Балинт // Проблемы археологии и древней истории угров. – Москва: Наука, 1972.

Баранов 1990

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И.А. Баранов. – Киев: Наукова думка, 1990.

Бибиков 2003

Бибиков М.В. Византийские источники / М.В. Бибиков // Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Москва, 2003.

Бодянский 1863

Бодянский О. Кирилл и Мефодий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – Москва, 1863. – Кн.2.

Бокий, Плетнева 1988

Бокий Н.М. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула / Н.М. Бокий, С.А. Плетнева // Сов. археология. – Москва: Наука, 1988. – № 2.

Генинг 1977

Генинг В.Ф. Проблема происхождения венгров / В.Ф. Генинг // Сов. археология. – Москва: Наука, 1977. - N 1.

Генинг, Халиков 1964

Генинг В.Ф. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник / В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. – Москва: Наука, 1964.

Готье 1927

Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК. – Ленинград, 1927. – Т. V.

Древнетюркский словарь 1969

Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969.

Дьени 2005-2006

Дьени Г. Восточные венгры, западные венгры (к проблеме «Югрия») / Г. Дьени // Finno-Ugrica. – Казань, 2005-2006. – \mathbb{N} 9.

Дьёни 2007

Дьёни Г. Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук / Г. Дьёни. – Екатеринбург, 2007.

Енуков 2005

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей / Енуков В.В. – Курск: Учитель, 2005.

Засецкая 1994.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.) / И.П. Засецкая. – Санкт-Петербург, 1994.

Заходер 1962

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX-X вв. / Б.Н. Заходер. – Москва, 1962. – Т. I.

Зимони 2000

Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне / И. Зимони // Finno-Ugrica. – Казань, 2000. – Вып.4.

Иванов, Пелевина 2001

Иванов В. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии / В. Иванов, О. Пелевина // Российская археология. — Москва, $2001. - \mathbb{N} 3$.

Иванов 1987

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) / В.А. Иванов // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.

Иванов 1988

Иванов В.А. Magna Hungaria — археологическая реальность? / Иванов В.А. // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988.

Иванов 1993

Иванов В.А. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралье / Иванов В.А. // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

Иванов 1995

Иванов В.А. Мадьярский путь на запад / В.А. Иванов // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. — Самара, 1995.

Иванов 1996

Иванов В.А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути на запад / В.А. Иванов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. — Самара, 1996.

Иванов 1999

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе / Иванов В.А. – Уфа, 1999.

Иванов, Кригер 1987

Иванов В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала / В.А. Иванов, В.А. Кригер // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1987.

Иессен 1965

Иессен А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе / А.А. Иессен // МИА. – Москва: Наука, 1965. - № 125.

Истрин 1920

Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / Истрин В.М. – Петроград, 1920. – Т. I.

Житие и перенесение мощей св. Климента 1865

Житие и перенесение мощей св. Климента // Кирилло-Мефодиевский сборник. — Москва, 1865.

Казаков 1971

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника / Е.П. Казаков // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971.

Казаков 1972

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника / Е.П. Казаков // Проблемы археологии и древней истории угров. — Москва: Наука, 1972.

Казаков 1984

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии / Е.П. Казаков // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984.

Казаков 1992

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии / Е.П. Казаков. – Москва: Наука, 1992.

Казаков 1997

Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) / Е.П. Казаков // Татарская археология. – Казань, $1997. - \mathbb{N}$ 1.

Казаков 2001

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. / Е.П. Казаков // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001.

Казаков 2007

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв. / Е.П. Казаков. – Казань, 2007.

Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве 1899

Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. – Киев, 1899.

Ковалёва, Марина, Ромашко 1981

Ковалёва И.Ф. Отчёт об исследованиях в зоне строительства Магдалиновской оросительной системы в 1981 г. / Ковалёва И.Ф., Марина З.П., Ромашко В. // НА ИА НАНУ. – Ф.э. – 1981/105.

Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака 1983 Ковалева И.Ф. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье / Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Никулкин И.В. и др. // Древности степного Поднепровья ІІІ—І тысячелетия до нашей эры. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983.

Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978

Ковпаненко Г.Т. Раскопки курганов у с. Ковалёвка / Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. // Курганы на Южном Буге. – Киев: Наукова думка, 1978.

Козюба 2005

Козюба В. Про локалізацію Угорського урочища і Угорської брами у давньому Києві / В. Козюба // Історико-географічні дослідження в Україні. – Київ, 2005. – Ч. 8.

Комар 1999

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы / А.В. Комар // Vita Antiqua. – Киев, 1999. – № 2.

Комар 1999б

Комар О.В. Коментарі до статті: Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области / А.В. Комар // Vita Antiqua. – Киев, 1999. – \mathbb{N} 2.

Комар 2001

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа / А.В. Комар // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. 2.

Комар 2004

Комар А.В. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье / А.В. Комар // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Киев-Судак, 2004. – Ч. III–IV.

Комар 2006а

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. / А.В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. — Т. 5.

Комар 2006б

Комар А.В. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье / А.В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. – Т. 5.

Комар 2006в

Комар А.В. Погребение начала VIII в. у села Октябрьское в Северо-Восточном Приазовье / А.В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. – Т. 5.

Комар 2006г

Комар А.В. Погребение номада середины VII в. у с. Дмитровка в Южном Побужье / А.В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. – Т. 5.

Комар 2008а

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. / А.В. Комар // Сугдейский сборник. — Киев-Судак, 2008. — Вып. III.

Комар 2008б

Комар А.В. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе / А.В. Комар // Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. — Київ: Корвін Прес, 2008.

Комар 2008

Комар А. Кочевники Восточной Европы VI–IX вв. / А.В. Комар // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. – Астана, 2008. – С. 191-216.

Комар 2008а

Комар О.В. Хозари та уйгури (нотатки до «телеської» версії походження хозар) / А.В. Комар // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з ІХ ст. до н.е. по ХІХ ст. н.е.). — Київ, 2008.

Комар 2009

Комар О.В. Давні мадяри / А.В. Комар // Україна: хронологія розвитку. — Т. 2: Давні слов'яни та Київська Русь. — Київ, 2009.

Комар, Кубышев, Орлов 2006

Комар А.В. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья / А.В. Комар, А.И. Кубышев, Р.С. Орлов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. – Т. 5.

Комар, Сухобоков 2004

Комар А.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности / А.В. Комар, О.В. Сухобоков // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. — Київ: Корвін Прес, 2004.

Котигорошко 2003

Котигорошко В.Г. Верхне Потисся в контексті стародавньої історії Карпато-Дунайського ареалу / В.Г. Котигорошко. — Ужгород, 2003.

Круглов 1990

Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции / Круглов Е.В. // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990.

Круглов 2006

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья / Е.В. Круглов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Дон. НУ, 2006. – Т. 4. – С. 73–142.

Кубышев, Дорофеев, Симоненко, Полин, Битковский, Якинов 1978

Кубышев А.И. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР. Исследования курганной группы «Рядовые курганы» в зоне строительства Золотобалковской о/с. в Нововоронцовском р-не, Херсонской обл. / Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В., Полин С.В., Битковский О.В., Якунов С.А. // НА ИА НАНУ. − Ф.э. − № 1978/17.

Лимберис 1987

Лимберис Н.Ю. Работы Краснодарской экспедиции / Лимберис Н.Ю. // АО 1986 г. – Москва: Наука, 1987.

Лифанов, Седова 2003

Лифанов Н.А. Средневековые угорские погребения на Самарской луке / Н.А. Лифанов, М.С. Седова // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.

Ляпушкин 1958а

Ляпушкин И.И. Новотроицкое городище: О культуре восточных славян в эпоху сложения Киевского государства // МИА. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. - N 74.

Ляпушкин 1958б

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – № 62.

Магнер 1969

Магнер Г.І. Русько-угорський союз ІХ ст. у світлі літописів / Магнер Г.І. // Український історичний журнал. — Київ, 1969. — № 7.

Мажитов 1987

Мажитов Н.А. Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Урала и Поволжья / Н.А. Мажитов // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. — Уфа, 1987.

Мажитов 1988

Мажитов Н.А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии / Н.А. Мажитов // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988.

Мажитов 1993

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) / Н.А. Мажитов // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

Макарова, Плетнёва 1983

Макарова Т.И. Пояс знатного воина из Саркела / Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва // Сов. археология. – Москва: Наука, 1983. – № 2.

Матвеев, Цыбин 2004

Матвеев Ю.П. Таганский грунтовой могильник / Ю.П. Матвеев, М.В. Цыбин. – Воронеж: Издво ВГУ, 2004.

Матвеева 1976

Матвеева Г.И. Погребения VIII—IX веков в окрестностях г. Куйбышева / Г.И. Матвеева // Очерки истории и культуры Поволжья. — Куйбышев, 1976. — Вып. 1.

Матвеева 1977

Матвеева Г.И. Погребения VIII—IX веков у разъезда Немчанка / Г.И. Матвеева // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977.

Матвеева, Богачев 2000

Матвеева Г.И. Памятники раннеболгарского времени / Матвеева Г.И., Богачев А.В. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. – Москва, 2000.

Махно 1960

Махно Є.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці / Є.В. Махно // АП УРСР. — Київ, 1960. — Т. IX.

Михеев 1982

Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша / В.К. Михеев // Сов. археология. – Москва: Наука, 1982. – № 2.

Михеев 1985

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Харьков: Вища школа, 1985.

Могаричев 2002

Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. / Могаричев Ю.М. // Сборник Русского исторического общества. – Москва, 2002. - N 4 (152).

Москаленко 1972

Москаленко А.Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона / А.Н. Москаленко // Проблемы археологии и древней истории угров. — Москва: Наука, 1972.

Назаренко 2003

Назаренко А.В. Западноевропейские источники / А.В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Москва, 2003.

Напольских В.В., 2005

Напольских В.В. Йогра (ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) / А.В. Напольских // Антропологический форум. — Санкт-Петербург, 2005. — № 3.

Орлов 2001

Орлов Р.С. Культура неслов'янських народів України IV–VIII ст. / Р.С. Орлов // Історія української культури. – Київ, 2001. – Т. 1.

Орлов, Рассамакин 1996

Орлов Р.С. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья / Р.С. Орлов, Ю.Я. Рассамакин // Материалы 1 тыс. н. э. по археологии и истории

Украины и Венгрии. – Киев: Наукова думка, 1996.

Перепелкин, Сташенков 1996.

Перепелкин С.Б. Палимовское погребение / Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. – Самара, 1996.

Пеняк С., Пеняк П. 1998

Пеняк С.І. Історія Закарпаття з найдавніших часів до приходу угорців в Карпатську улоговину / С.І. Пеняк, П.С. Пеняк. — Ужгород, 1998.

Плетнёва 2003

Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века / С.А. Плетнёва. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003.

Покровский 1905

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник / Покровский А.М. // Труды XII Археологического съезда. – Москва: изд. МАО, 1905. – Т. 1. – С. 465-491.

Полин, Черных, Дараган, Разумов 2008

Полин С. Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина) в 2007 г. (предварительное сообщение) / С. Полин, Л. Черных, М. Дараган, С. Разумов // Revista Arheologică. – Кишинев, 2008. – Vol. IV. – № 1.

Приймак 1997

Приймак В.В. Кремационные погребения городища Новотроицкое / В.В. Приймак // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1997.

Приймак 1998

Приймак В.В. Ямні поховання городища Новотроїцького / В.В. Приймак // Археологія. – Київ: Наукова думка, 1998. – № 2.

Приймак, Супруненко 1994

Приймак В.В. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района / Приймак В.В., Супруненко А.Б. // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворсклья. — Москва-Полтава: Крыниця, 1994.

Приходнюк 2000

Приходнюк О.М. Болгари та хозари / Приходнюк О.М. // Давня історія України. — Київ: вид. ІА НАНУ, 2000. — Т. 3.

Приходнюк 2001

Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина І тис. н. е.) / О.М. Приходнюк. – Київ –Чернівці: Зелена Буковина, 2001.

Приходнюк, Чурілова 2001

Приходнюк О.М. Коштовності з с. Коробчине на Дніпропетровщині / О.М. Приходнюк, Л.М. Чурілова // Археологія. – Київ, 2001. – № 1.

Прохненко 2005

Прохненко І. Давні угри у Верхньому Потиссі / І. Прохненко // Археологічні досліджен-

ня Львівського університету. – Львів, 2005. – Вип. 8. – С. 372-387.

ПСРЛ 2001

ПСРЛ. – Москва, 2001. – Т. І.

ПСРЛ. - Москва, 2001. - T. II.

Пуголовок 2003

Пуголовок Ю.А. Деталі поясного набору доби середньовіччя у збірці Кременчугського краєзнавчого музею / Ю.А. Пуголовок // АЛЛУ. – Полтава: Археологія, 2003. – № 2.

Пуголовок 2006

Пуголовок Ю.А. Угорські прикраси вузди з околиць с.Шушвалівка на Полтавщині / Ю.А. Пуголовок // АЛЛУ. – Полтава: Археологія, 2006. – № 2.

Руденко 2001

Руденко К.А. Исследование археологических памятников у с.Балымери в 1996-1998 гг. / Руденко К.А. // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001.

Сарапулкин 2006

Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салто-маяцкой культуры (предварительное сообщение) / В.А. Сарапулкин // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2006. – Вып.12.

Седов 1987

Седов В.В. Венгры в Восточной Европе / Седов В.В. // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1987. – (Археология СССР).

Синицын 1947

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / Синицын И.В. // Ученые записки СГУ. – 1947. – Вып. XVII.

Синицын 1954

Синицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли / Синицын И.В. // Ученые записки СГУ. — 1954. — Вып. 39.

Скарбовенко, Сташенков 2000

Скарбовенко В.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья / В.А. Скарбовенко, Д.А. Сташенков // Краеведческие записки. — Самара, 2000. — Вып. IX.

Спицин 1914

Спицин А.А. Венгерские вещи в России / А.А. Спицин // ИАК. – Петроград, 1914. – \mathbb{N} 53.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – Москва, 2001.

Сташенков, Турецкий 1999

Сташенков Д.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) / Д.А. Сташенков, М.А. Турецкий // Охрана и изучение памятников истории

и культуры в Самарской области. – Самара, 1999. – Вып.1.

Супруненко, Кулатова, Приймак 1999

Супруненко А. Венгерское погребение с юга Полтавщины / А. Супруненко, И. Кулатова, В. Приймак // Finno-Ugrica. – Казань, 1999. – № 2.

Супруненко, 2007

Супруненко О.Б. Курган з угорським некрополем у пониззі Псла. — Київ-Полтава: вид. ЦП НАНУ і УТОПІК, ЦОДПА, 2007. — 110 с. — (Старожитності околиць Комсомольська: част. VI).

Супруненко, Маєвська 2007

Супруненко О.Б. Давньоугорське поховання у кургані в пониззі Псла / Супруненко О.Б., Маєвська С.В. // АЛЛУ. – Полтава: Археологія, 2007. – № 1-2.

Толочко 1999

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь / П.П. Толочко. – Киев: Абрис, 1999.

Эрдели 1984

Эрдели И. Венгры на Дону / И. Эрдели // Маяцкое городище. – Москва: Наука, 1984. – (Труды советско-болгарско-венгерской экспедиции).

Федотов 1996

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996. – Т. 1.

Фодор 1972

Фодор И. К вопросу о погребальном обряде древних венгров / И. Фодор // Проблемы археологии и древней истории угров. – Москва: Наука, 1972.

Фодор 2008

Фодор И. Древние венгры и Северный Кавказ / И. Фодор // Hungaro-Russica III: История и культура Евразийской степи. – Москва, 2008. – С. 37-52.

Φ одор 2009

Фодор И. Аналогии в археологическом материале древних венгров и волжских болгар и их историческое значение / И. Фодор // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. – Казань, 2009. – С. 126-129.

Фонякова 1986

Фонякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. / Н.А. Фонякова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1986. – № 3.

Халиков 1984

Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) / Халиков А.Х. // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984.

Халикова 1971

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника / Е.А. Халикова // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971.

Халикова 1972

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели / Е.А. Халикова // Проблемы археологии и древней истории угров. – Москва: Наука, 1972.

Халикова 1976а

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник / Е.А. Халикова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1976. – № 2.

Халикова 1976б

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья / Е.А. Халикова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1976. – № 3.

Халикова 1978

Халикова Е.А. Еще раз о проблеме происхождения венгров / Е.А. Халикова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1978. – № 4.

Ханенко Б., Ханенко В. 1902

Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья / Ханенко Б. и В. – Киев, 1902. – Вып. V.

Чурилова 1986

Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловка на Днепропетровщине / Л.Н. Чурилова // Сов. археология. – Москва: Наука, 1986. – № 4.

Чурилова 1990

Чурилова Л.В. Комплекс предметів з середньовічного поховання поблизу с. Коробчино Криничанського району Дніпропетровської області / Л.Н. Чурилова // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні в 1989 р.: ТДК. – Вінниця, 1990.

Шалобудов 1983

Шалобудов В.Н. Погребение кочевника VIII века у с. Заплавка / Шалобудов В.Н. // Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до нашей эры. — Днепропетровск: Изд-во Дн. ГУ, 1983.

Шамрай, Духин 1997

Шамрай А.В. Ювелірний центр на Сіверському Дінці / Шамрай А.В., Духин О.Й. // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених: Наукові матеріали. — Київ, 1997.

Швецов 1981

Швецов М.Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье / М.Л. Швецов // Древности Среднего Поднепровья. – Киев: Наукова думка, 1981.

Шпилев 2010

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII в. – конец X вв.) / А.Г. Шпилев // Stratum plus. – Кишинев, 2010. – № 5. – C. 221-274.

Шушарин 1961

Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. / В.П. Шушарин // Международные связи России до XVII в. – Москва, 1961.

Шушарин 1997

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров / В.П. Шушарин. – Москва: Наука, 1997.

Щербакова, Тащи, Тельнов 2008

Щербакова Т.А. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея) / Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. – Кишинев, 2008.

Эрдейи 1961

Эрдейи И. «Большая Венгрия» / И. Эрдейи // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1961. – 13.

Эрдели 1983

Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне / И. Эрдели // Сов. археология. – Москва: Наука, $1983. - \mathbb{N} 4.$

Этимологический словарь тюркских языков 1997

Этимологический словарь тюркских языков. – Москва: Наука, 1997. – Т. 5.

Юргевич 1863

Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского Общества Истории и Древностей Российских. — Одесса, 1863. — Т. V.

Ягич 1893

Ягич И.В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 54.

Annales Bertiniani 1883

Annales Bertiniani. – Hannoverae, 1883.

Baloch 2004

Baloch L. The Ugri allies of Heraklius / Baloch L. // Chronica. – Szeged, 2004.

Baloch 2005

Baloch L. Notes on the Western Turks in the work of Theophanes Confessor / Baloch L. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica. – Budapest, 2005. – Vol. 58 (2).

Bokij, Pletnyova 1989

Bokij N.M. Nomad harkos csalad 10. szazadi sirjai az folyo volgyeben / Bokij N.M., Pletnyova S.A. // Archaeologiai Ertesitő. – Budapest, 1989. – Vol. 116.

Bozoyan 2006

Bozoyan A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia / A. Bozoyan // La Crimee entre Byzance et le khaganat Khazar. – Paris, 2006.

Bresslau 1934

Bresslau H. Annales ex Annalibus Iuvavensibus Antiquis Excerpti / Bresslau H. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. – Berlin, 1934. – T.XXX. – P.II.

Burnadžć 1985

Burnadžć R. Čelarevo. Risultatti delle ricerche nelle necropoli dell' alto medioevo / Burnadžć R. – Roma, 1985.

Chalikov 1986

Chalikov A.H. Auf der Suche nach "Magna Hungaria" / A.H. Chalikov // Hungarian Studies. – Budapest, 1986. – Vol. 2.

Chalikova, Chalikov 1981

Chalikova E.A. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani) / E.A. Chalikova, A.H. Chalikov. – Budapest, 1981.

Čilinska 1973

Čilinska Z. Frugmittelalteriches Graberfeld in Želovce / Čilinska Z. – Bratislava, 1973.

Daim 2000

Daim F. "Byzantinische" Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts / Daim F. // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. – Innsbruck, 2000.

Erdelyi 1961

Erdelyi I. Ujabb adatok a tarsolylemezek stilusanak elterjedesehez kelet-europaban / Erdelyi I. // Archaeologiai Ertesitő. – Budapest, 1961. – Vol. 88.

Erdelyi 1977

Erdelyi I. Les anciens Hongrois ont-ils ete dans dans la region du Kouban? / Erdelyi I. // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977.

Fettich 1929

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarlandischen Denkmaler / N. Fettich. – Prague, 1929.

Fettich 1937

Fettich N. Metallkunst der Landnehmenden Ungarn / N. Fettich // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1937. – T.XXI.

Fodor 2009a

Fodor I. Ein Ungarischer Fund aus dem 10. Jahrhundert in Kasan / Fodor I. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. – Budapest, 2009. – Vol. 62 (3). – S. 303-313.

Fodor 20096

Fodor I. Ostortenet es honfoglalas / Fodor I. – Budapest, 2009.

Hewsen 1992

Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Širak / Hewsen R.H. – Wiesbaden, 1992.

Galkin 1983

Galkin L.L. Nomadischer Grabfund von Jenseits der Volga / Galkin L.L. // Acta Archaeologica Hungaricae. – Budapest, 1983. – T. XXXV. – F. 3-4.

Garam 1987

Garam E. Der awarische Fundstoff im Karpatenbecken und seine zeitliche Gliederung / Garam E.

// Die Volker Sudosteuropas im 6. bis 8 Jahrhundert. – Berlin, 1987.

Garam 1994-1995

Garam E. Katalog der awarenzeitlischen Gräber in Dunapentele / Garam E. // Archaeologiai Ertesitő. – Budapest, 1994-1995. – Vol. 121-122.

Garam 2001

Garam E. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenyeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts / Garam E. – Budapest, 2001.

Gening 1978

Gening V.F. Magna Hungaria es a regeszeti emlekanyag / Gening V.F. // Archaeologiai Ertesitő. – Budapest, 1978. – Vol. 105.

Goldina 1992

Goldina E.V. Gurtelteile mit Pflanzenornamenten aus dem Kamagebiet / Goldina E.V. // Awarenforschungen. – Wien, 1992. – B. 1.

Halikova 1976

Halikova E.A. A ket uttobi cikk tartalma magyar nyelven / Halikova E.A. // Archaeologiai Ertesitő. – Budapest, 1976. – Vol. 103.

Hampel 1896

Hampel J. A honfoglalasi kor hazai emlekei / J. Hampel. – Budapest, 1896.

Hampel 1905

Hampel J. Alterthumer des Fruhen Mittelalters in Ungarn / J. Hampel. – Braunschweig, 1905. – Bd. II-III.

Hampel 1907

Hampel J. Ujabb tanulmanyok a honfoglalasi kor emlekeirol/ J. Hampel. – Budapest, 1907.

Hewsen 1992

Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Širak / Hewsen R.H. – Wiesbaden, 1992.

Ibn Haugal 1964

Ibn Hauqal. Configuration de la terre / Ibn Hauqal. – Paris, 1964. – T. I.

Ivanov 2006

Ivanov S. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh / Ivanov S. // La Crimee entre Byzance et le khaganat Khazar. – Paris, 2006.

Khalikova, Kazakov 1977

Khalikova E.A. Le cimetiere de Tankeevka / Khalikova E.A., Kazakov E.P. // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977.

Komar 2009

Komar O. Ancient Hungarians of Etelkoz (archaeological evidence) / Komar O. // Medieval Nomads: Third International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. – Miskolc, 2009. – P. 15-16.

Kovacs 2005

Kovacs L. Remarks on the archaeological remains of the 9th – 10th century Hungarians / Kovacs L. // Research on the prehistory of the Hungarians: a review. – Budapest, 2005. – (Varia Archaeologica Hungarica, T. XVIII).

Kristó 1996

Kristó G. Hungarian history in the 9th century / Kristó G. – Szeged, 1996.

Lampe 1961

Lampe G.W.H. A Patristic Greek lexicon / Lampe G.W.H. – Oxford, 1961.

Lango 2005

Lango P. Archaeological research on the conquering Hungarians: a review / Lango P. // Research on the prehistory of the Hungarians: a review. – Budapest, 2005. – (Varia Archaeologica Hungarica, T. XVIII).

Laszlo 1955

Laszlo G. Etudes Archeologiques sur l'historiae de la societe des Avars / Laszlo G. // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1955. – T. XXXIV.

Liddle, Scott 1996

Liddle G.H., Scott R. A English-Greek lexicon / Liddle G.H., Scott R. – Oxford, 1996.

Mango, Scott 1997

Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor / Mango C., Scott R. – Oxford, 1997.

Minorsky 1937a

Minorsky V. Hudud al-'Alam: The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. / Minorsky V. – London, 1937.

Minorsky 19376

Minorsky V. The Khazars and the Turks in the Akam al-Marjan / Minorsky V. // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. – London, 1937. – Vol. 9. – N 1.

Moravcsik 1961

Moravcsik G. Sagen und Legenden uber Kaiser Basileios I / Moravcsik G. // Dumbarton Oaks Papers. – 1961. – Vol. 15.

Pasternak 1937

Pasternak J. Die ersten altungarischen Grabfunde nördlich der Karpaten / Pasternak J. // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1937. – T. XXI.

Perels, Laehr 1928

Perels E. Anastasii Bibliothecarii epistolae sive praefationes / Perels E., Laehr G. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. – Berlin, 1928. – T. VII.

Polgar 2004

Polgar S. The identification of K.r.h in the passage of Ibn Rusta / Polgar S. // Chronica. – Szeged, 2004.

Posta 1905

Posta B. Archaeologishe Studien auf Russischem Boden / Posta B. – Budapest-Leipzig, 1905. – T. 1-2.

Reginonis abbatis 1890

Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione treverensi / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum. – Hannoverae, 1890.

Rerum Hungaricarum 1849

Rerum Hungaricarum. Monumenta Arpadiana / ed. Endlicher S.L. – Sangalli, 1849.

Rona-Tas 1999

Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages / Rona-Tas A. – Budapest, 1999.

Simonis de Keza 1999

Simonis de Keza. Gesta Hungarorum / Simonis de Keza. – Budapest, 1999.

Szii 2005

Szij E. Research on the prehistory of the Hungarians and Finno-Ugric studies / Szij E. // Research on the prehistory of the Hungarians: a review. – Budapest, 2005. – (Varia Archaeologica Hungarica, T. XVIII).

The ancient Hungarians 1996
The ancient Hungarians. – Budapest, 1996.

Toth 2005

Toth S.L. The past and present of the research on the prehistory of the Hungarians. Historiography / Toth S.L. // Research on the prehistory of the Hungarians: a review. – Budapest, 2005. – (Varia Archaeologica Hungarica, T. XVIII).

Winter 1997

Winter H. Avarische Grab- und Streufunde aus Ostosterreich / Winter H. – Innsbruck, 1997.

Zakharow, Arendt 1934

Zakharow A. Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. / Zakharow A., Arendt W. // Archaeologia Hungarica. – Budapest, 1934. – T. XVI.

Zimonyi 2005

Zimonyi I. The state of the research on the prehistory of the Hungarians. Historiography (Oriental sources, history of the Steppe) // Research on the prehistory of the Hungarians: a review / I. Zimonyi. – Budapest, 2005. – (Varia Archaeologica Hungarica, T. XVIII).

Zimonyi 2006

Zimonyi I., 2006. Muslimische Quellen über die Ungarn vor der Landnahme. Das ungarische Kapitel der Gaihani-Tradition / I. Zimonyi. – Budapest, 2006.

Комар О.В.

ДАВНІ МАДЯРИ ЕТЕЛЬКЕЗУ: ПЕРСПЕКТИВИ ДОСЛІДЖЕНЬ

У статті розглядається проблема археологічної культури давніх мадяр ІХ ст. часу їх перебування у Північному Причорномор'ї.

Писемні джерела подають три самостійні історії міграції мадяр, але їх порівняльне вивчення показує, що всі версії поділяють історію мадяр на два головні періоди: до форсування Волги (Етель) та після цього, не даючи підстав для локалізації історичної «Леведії» на захід від Волги.

Археологічні пам'ятки Північного Причорномор'я IX ст. можуть бути виділені у «Суботицький тип». Найбільш виразними його ознаками є наявність поховальних лицевих покрить (масок), знайдених у трьох похованнях. Частина комплексів включає поясні і збруйні деталі прикамського та уральського походження, а також гончарну кераміку волзьких булгар. Всі ці обставини помітно відрізняють пам'ятки типу Суботців від салтівської культурно-історичної спільноти, поховань печенігів і огузів, та виявляють спорідненість до караякуповских пам'яток Прикам'я-Приуралля й угорських могильників Карпатської котловини Х ст. Це населення почало міграцію на захід не раніше, але й не пізніше сер. IX ст., що дозволяє впевно ототожнити його з історичними мадярами.

Пам'ятки типу Суботців дозволяють суттєво розширити уявлення про ареал і культуру мадяр періоду Етелькезу, їх стосунки з сусідами. Водночас, вони доводять, що пам'ятки типу Больше-Тиганського могильника у Прикам'ї з'являються одночасно з причорноморською групою, а тому не можуть маркувати прабатьківщину давніх мадяр.

Ключові слова: давні мадяри, хозари, Леведія, Етелькез, Суботицький тип, салтівська культурно-історична спільність, караякупівська культура.

A.V. Komar

THE PERSPECTIVES OF THE OLD-MAGYARS OF ETELKOZ STUDY

The paper deals with the Ninth century archaeological culture of the Old-Magyars during their stay throughout the territories of the Northern area of the Black Sea.

Written sources contain three different stories of Magyar migrations, but comparative study shows that all of them divide the Magyar history into two periods: before crossing of the Volga (Etel) and thereafter. This gives us opportunity to leave behind searching the 'Levedia' towards the West of Volga.

It is possible to define the archaeological sites of the Northern area of the Black sea, dated back to the Ninth century, as belonging to the 'Subotsi type'. In three of the graves are found gold and silver funeral masks, the use of which is the most expressive feature of the Subotsi type burial rite. Some of the grave complexes contain belt ornaments of Kama basin styles and harness of South Ural types, wheel-made pottery of Volga Bulgarian origin also. All these elements differ from Saltov culture and burials of Petchenegs and Oghuzes. This marks other population, closely related to Karajakupovo culture of Kama-Ural region, that migrated to Ukrainian steppes not earlier and not later then middle of the Ninth century.

Written sources give opportunity to attribute these newcomers as the Old-Hungarians (Hetumoger). As well as the archaeological materials witness the relation of the Subotsi type burials with Magyar culture by the time of the conquest of Hungary.

The Subotitsa type burials give information about area of Magyar tribes in Etelkoz, their cultural and trade relations with neighbors. Also they prove that Volga-Kama region cemeteries with Magyar elements (Bolshye Tigany, Tankeevka) appeared at the same time with Subotitsa type burials and therefore cannot mark original homeland of the Old-Magyars.

Key words: Old-Magyars, Khazars, Levedia, Etelkez, Subotsy type, Saltov culture and historical community, Karajakupovo culture.

Комар Олексій Вікторович

кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу давньоруської і середньовічної археології Інституту археології НАН України, відомий фахівець в галузі археології середньовічних кочівників, слов'яно-руської археології e-mail: akomar@mail.ru, тел. +38 044 278-47-80; 279-44-05, +38 050 151-54-88 01025, Україна, м. Київ-25, вул. Володимирська, 3. Відділ давньоруської і середньовічної археології Інституту археології НАН України